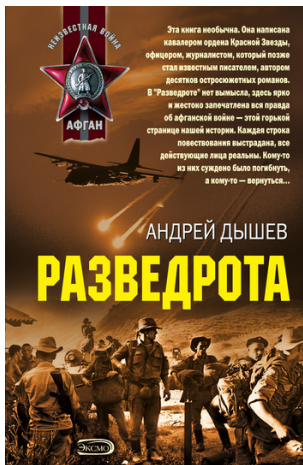

Андрей Михайлович Дышев Разведрота (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162127*

Аннотация

Автор служил в Афганистане в 1983-1984 годах в составе 201-й дивизии, дислоцировавшейся в северной провинции Кундуз. Журналист по образованию, он описывает войну с документальной точностью, в его прозе нет ничего придуманного, раздутого в угоду читательским пристрастиям и «законам жанра». Но именно правда делает картину тех давних событий страшной, отчего мучительно сжимается сердце и страдает душа. Герои книги – офицеры и солдаты, погибшие и живущие ныне, которые до конца исполнили свой воинский долг в далекой мусульманской стране.

Содержание

СЫНОК	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Дышев

Разведрота (Сборник)

СЫНОК

В первых числах июня на пике Инэ Большого Кавказского хребта погиб альпинист, инженер из Москвы Сидельников. Домбайские горноспасатели, снявшие тело с ледника, были несколько удивлены тем, что лидер связки, семнадцатилетний Геннадий Ростовцев, не смог припомнить имени погибшего.

– Вы с ним первый раз в горах? – спрашивал у Гешки начальник спасотряда.

– Нет, не первый, – отвечал Гешка.

...Все произошло в несколько секунд. Сидельников сорвался спиной вниз, пролетел метров тридцать, дважды натягивая веревку тугой струной и дважды вырывая старые крючья, которые выскакивали из тела скалы, как гвозди из почтового ящика. Гешку, который не успел пристегнуть себя к страховочному крюку, развернуло лицом к стене и сорвало с узкого карниза, как муху с кончика хлыста, но он увидел Сидельникова в этом страшном полете. Инженер упал на лед боком, содрал с головы полскальпа. Минут через двадцать, когда Гешка, едва не теряя сознание от боли в руке, сумел спуститься вниз, лицо Сидельникова посинело, а гематома стала такой огромной, что он не мог говорить и даже открыть глаз.

Это был третий несчастный случай в горах, свидетелем которого стал Гешка, но лишь впервые он почувствовал, насколько сам был близко от гибели.

Сидельников прожил еще пять суток. О его смерти Гешка узнал лишь неделю спустя, когда на дачу, где он прятал от лишних глаз свою загипсованную руку, пришла его подруга Тамара. Они выпили с ней водки. Гешка потом плакал, закрывая лицо белыми от гипсовой пыли пальцами. Тамарке это не нравилось. Она кривилась, ходила по комнате со стаканом в руке и говорила сквозь зубы:

– Ладно, хватит тебе... На нервы действуешь.

Последние три года они учились в одном классе. Тамара продавала Гешке по очень скромным ценам видеокассеты, спортивную одежду и всякую другую импортную мелочь, которую регулярно привозил из-за границы ее отец. После выпуска они вдвоем поехали в Болгарию на Златы Пяски и с той поры стали уже в деталях интересоваться личной жизнью друг друга.

– Значит, ты передумал поступать в МАИ? – спросила она, когда Гешкину руку освободили из тисков гипса и он немедленно предложил девушке махнуть на дикие пляжи в Крым.

– Потом!

– Суп с котом! Не пудри мне мозги.

– Осенью меня папик в армию отправляет. Он у меня перестроился, объявил бой семейному протекционизму...

Впрочем, отец обещал Гешке, что тот будет служить в пяти минутах ходьбы от дома. Гешка мысленно рисовал перед собой схему района, но в пределах пяти минут ходьбы никакой воинской части припомнить не мог.

Отец улетал в очередную командировку.

– Если придет повестка, бери паспорт и прямиком к военкому. Он в курсе дел, ждет тебя... Что из Будапешта привезти?

«Бросаешь ты меня, фатер, на ржавые гвозди», – думал Гешка, стоя у окна и провожая взглядом отца. Прапорщик Саша с узкой, как у лисы, физиономией распахнул дверцу черной «Волги». Отец, здороваясь с ним, как сторублевую купюру, протянул руку. Чин! Гешка у зеркала примерил отцовскую шинель. Волосы легли на плечи и закрыли вышитые золотом звезды на погонах.

– Качман ты нулёвый! – сказал Гешка своему отражению, что на местном сленге ничего хорошего не означало. Отражение скорчило гримасу и быстро скинуло с себя шинель.

Будущее представлялось Гешке Ростовцеву в виде пирамидки из взбитых подушек, причем каждая из них имела свою окраску. Студенческие годы в МАИ уместались в подушке голубого цвета. Женитьба на Тамарке и эйфория, связанная с этим, – в белой. Поездки за границу ждали Гешку в коричневой с красными полосами. Восхождения на Фудзияму, Канченджангу и Килиманджаро таились в ярко-оранжевой подушке. Самая маленькая, черненькая, венчающая пирамиду, означала уход в мир иной. А для подушки цвета хаки, увы, в Гешкиной пирамиде места предусмотрено не было.

Как-то к Гешке зашел неприятный парень с женскими глазами.

– Я брат Сидельникова, – с порога представился он и провел рукой по глазам, будто слезу вытер.

Гешка попытался отыскать сходство этого парня с погибшим Сидельниковым.

– Двоюродный, – уточнил неприятный парень и вздохнул: – Бабки нужны. Памятник ставить будем.

– Сейчас, – кивнул головой Гешка и резко захлопнул перед незнакомцем дверь.

«Брат» звонил минут десять, потом затих.

– Ладно, встретимся, генеральский отпрыск! – забубнило в замочной скважине.

– Долго ждать придется, чучело! – крикнул Гешка, потом поднял трубку телефона, позвонил вахтерше, которая сидела в вестибюле на первом этаже, и сказал ей, что если она и впредь будет пропускать в дом всяких жуликов, то ее уволят с работы.

Наутро с почтой Гешка получил повестку. В парикмахерской он путано объяснял, что ему надо:

– Побольше состригите.

– Польку, что ли?

– Не польку, а совсем...

– Что совсем? Убрать виски? Затылок выстричь?

Гешке стыдно было говорить «налысо».

Вскоре он сидел перед зеркалом уже совершенно спокойный, философски рассматривая свою голову. Череп, оказывается, был у него отвратительной формы. Уши выпирали, как лопухи после дождя. На темечке тлела красная загогулина – горькая память о пике Инэ.

В этот же день он напялил на голову спортивную шапочку и вместе с Тамарой пошел к матери.

Тамара очень нравилась Гешкиной матери.

– Здравствуй, моя милая, – говорила она, целуя Тамару в лоб. – Ты с каждым днем становишься красивее... Проходите в комнату, я сейчас приготовлю кофе.

Потом она увидела новую Гешкину прическу:

– Боже мой, Гена, ты похож на уголовника! Тебе принесли повестку. Я не понимаю твоего отца! Для того чтобы оградить тебя от этих проклятых гор, он не придумал ничего лучшего, как спровадить тебя в армию. Когда же ты будешь поступать в институт?

Любовь Васильевна уже несколько лет жила отдельно, но никогда не давала сыну каких-либо пояснений по этому поводу, хотя Гешку устроило бы любое – его никогда всерьез не интересовали перипетии закрученной и премудрой жизни своих предков.

Мать бесшумно скользила в мягких тапочках по лакированному полу, за ней серой фатой колыхался сигаретный дымок. Тяжелую пепельницу с горкой окурков она несла, как гурман изысканное блюдо. Тамара разулась, зашлепала босиком по комнатам, разглядывая гирлянды макраме на стенах, запыленные шкатулки, резные деревянные вазочки. Гешка уселся на диван, вытащил из-под себя спицы для вязания и кивнул Тamarке:

– Падай рядом!

– А кто это? – спросила она, разглядывая блеклую фотографию человека в форме. – Твой папик в молодости?

– Это Кочин, батин сослуживец... Хочешь, мама тебе погадает?

Любовь Васильевна проплыла по комнате с подносом в руках, поставила чашечки на столик, глядя на Тамару и на фото, и вместо гадания стала рассказывать какую-то историю своей молодости о благородном лейтенанте Кочине, рисовала в воздухе горы, свои очертания двадцать лет назад, а Тамаре было уже неинтересно, она не любила подробных ответов на случайные вопросы, она уже рассматривала фотки сиамских котят. Гешка тоже не слушал мать. Он раздумывал над ловким коварством отца, подменившего голубую подушечку студенчества на казенную цвета хаки. Отец ненавидел увлечение сына горами. Единственный ребенок, которого пятидесятипятiletний генерал желал вылепить по своему подобию, не имел права на риск. После гибели Сидельникова терпение отца разорвалось подобно снаряду. «Сынок, – сказал он Гешке, когда тот лежал на даче с загипсованной рукой. – Я звонил ректору. Чтобы поступить в институт наверняка, ты должен пройти армию. Да и вообще...» После этих слов отец несколько минут размышлял вслух о гражданском долге. Старый дюралевый крюк, из-за которого полетел на тот свет инженер Сидельников, вдрызг разбил Гешкины планы на ближайшие годы. Прощайте, Эльбрус и Мургаб, прощайте, золотые пляжи, не спеши, Тамара, менять «варенку» на подвенечное платье!..

У самого подъезда Гешку едва не сбил с ног какой-то плечистый парень в куртке с высоким воротником. Он неожиданно вынырнул из темноты и с ходу врезал кулаком Гешке в плечо. Метился, конечно, в лицо, но Гешка, к счастью, успел увернуться, в три прыжка достиг двери, влетел в фойе и исчез в кабине лифта. «Могло быть хуже», – думал он, машинально разглядывая выцарапанную на стенке надпись: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила».

Какой-то идиот еще полчаса орал под окнами: «Ростовцев, высунь харю», – или что-то в этом роде.

* * *

Военкома не было, у входа в его кабинет сидело несколько человек. Гешка спросил «Кто крайний?», сел рядом с заплаканной теткой, которая мощной рукой прижимала к себе худенького мальчика. Тот беззвучно шевелил губами, читая военные плакаты на стенах.

Время тянулось утомительно медленно. Длинный и смуглый офицер, неловко передвигая левую ногу, будто прятал в штанине метровую указку, прошел мимо кабинета военкома, взглянул на Гешку и остановился.

– Ты, – сказал он, показывая Гешке на грудь. – Значок инструктора от балды прицепил?

– Ничего не от балды, – грубо ответил Гешка, потому что был прав.

– Какой спорт? – спросил длинный уже тише.

– Альпинизм.

Офицер скрипнул несгибающейся ногой, положил свою руку Гешке на плечо.

– Идем со мной.

– Мне надо дожидаться военкома, – ответил Гешка.

– Мы тут все военкомы, – улыбнулся офицер. – Пошли, не пожалеешь.

Гешка пожал плечами, предупредил на всякий случай заплаканную тетю, что еще вернется, и пошел вслед за хромым офицером.

Они зашли в узкий, как пенал, кабинет.

– Альпиниста нашел тебе, Саня.

– Как фамилия? – спросил хозяин кабинета, раскладывая на столе какие-то карточки и потому не поднимая головы.

– Ростовцев, – представился Гешка. Офицер сразу поднял голову.

– Какое отношение имеете к генералу Ростовцеву? Родственник? Однофамилец?

Он говорил нервно, отрывисто. Один глаз его не был похож на другой. Гешке этот человек не понравился.

– Родственник, – ответил он.

Офицер долгим взглядом осмотрел Гешку с ног до головы, достал из кармана пачку, потряхнул ею, вытащил губами сигарету. Потом, как фокусник, работая только пальцами одной руки, извлек спичку, чиркнул ею о коробок и прикурил. Гешка только тогда обратил внимание, что вместо правой руки у офицера пустой рукав.

«Сплошные инвалиды», – подумал он.

– Родственник, значит? – переспросил однорукий и удивительно приятно рассмеялся. – Ну, молодец, молодец. Садись... А моя фамилия Суслов. Я тоже, значит, вроде как родственник... Ну что, альпинист, на Эльбрусе был?

Гешка снисходительно фыркнул.

– Молодец, – одобрительно кивнул офицер, – а мне вот не довелось, хотя мечтал в молодости... В горах служить хочешь?

– Хочу, но...

Гешка хотел добавить, что, к сожалению, в этом районе, где по замыслу папика он должен служить, самая большая возвышенность – здание СЭВ, но однорукий надолго взялся за телефон:

– Я все понимаю, но брать больше некого, понимаете? – устало говорил он в трубку. – Кто вместо него служить пойдет, а? Вы?.. Это не колония, мамаша! Армии тоже умные люди нужны, и с высшим, и с самым высшим образованием. Даже космонавты, между прочим, тоже служат...

Удерживая трубку между плечом и щекой, однорукий в то же время перелистывал Гешкин паспорт, заполнял какие-то справки, анкеты. Потом он протянул ему стопку бумажек, на одной из которых было очень неразборчиво нацарапано: «в ком. 13».

Гешка так и не понял, надо ему идти к военкому или же вопрос уже решен.

Он попал в команду, которую увозили куда-то на юг – то ли в Фергану, то ли в Термез. Отец Гешки все еще не вернулся из командировки, а мать, разговаривая с сыном по телефону, раздраженно сказала, что уже ничего не понимает, что пусть отец сам разбирается в этой путанице.

Тамара приехала на призывной пункт за час до того, как Гешкину команду повезли в Домодедово. Просунула руку через ограду, погладила Гешкину колючую голову.

– Бедненький ты мой ежик! Гордись, я в финал попала.

– В какой финал? – не понял Гешка.

– Конкурса красоты. – Тамара оглянулась, махнула кому-то рукой. – Мне тебя жалко...

Она поцеловала Гешку, оставив на его губах запах мятной жвачки.

Гешка видел, как Тамара села на мотоцикл, держась за плечи парня в шлеме и черной прокнопленной куртке. Помахала напоследок рукой. Мотоцикл рванул с места, как на гонке. «И не страшно ей», – подумал Гешка, прижимаясь щекой к холодной ограде.

Когда взлетали, он посмотрел в иллюминатор и с удивлением заметил, что стал бояться высоты.

* * *

Гешка – похудевший и оттого казавшийся еще более высоким, сидел напротив командира полка подполковника Кочина под холодной струей кондиционера. Руки его были широко раскинуты в стороны и лежали на спинках стульев, будто он намеревался поднять их над полом. Его густо-зеленая, еще не выцветшая военная куртка была расстегнута наполовину, под ней лоснилась от пота смуглая грудь. Гешка закинул ногу за ногу, помахивая серым от пыли ботинком.

«Поразительно похож на отца!» – подумал о нем командир полка.

– ...И вот комбат говорит мне: «Звони отцу, а то поедешь за речку», – продолжал рассказывать Гешка. – Отцу я, конечно, не дозвонился, в гробу видал я такую связь, и вот через пять дней перебросили нас в Ташкент. Оттуда я дал телеграмму в Москву. Батя через сутки прилетел.

«А глаза Любы», – думал Кочин.

– Но поезд ушел, и даже отец уже не мог вытащить меня из афганской команды... Сначала я должен был лететь в Джелалабад, но папик устроил так, чтобы я попал к вам.

– Он тебя проводил?

– Конечно! До самого самолета. Две бутылки коньяка передал для вас и письмо.

Гешка полез в карман, разгладил конверт на колене, протянул, не поднимаясь со стула.

– Вручаю вам, Евгений Петрович, из рук в руки.

«Евгений Петрович, – мысленно повторил Кочин. – Что ж, можно и так. Хорошо, что не дядя Женья».

– Жарковато у вас тут... Мне больше по душе ледники да морозец градусов под тридцать. Вы когда-нибудь бывали в высокогорье?

Гешка расстегнул куртку до пупа, стал махать на себя кепкой. «Бывал ли я в высокогорье?» – подумал Кочин, вскрывая конверт. Знакомый почерк, на «и», как всегда, нет шляпок.

«Ж еня, дорогой! Пишу впопыхах! Беда, Гена едет в Афг-н. Не пойму, как я его прозвал...»

«Сколько помню, Лева Ростовцев всегда писал мне впопыхах, – подумал Кочин. – Даже в отпусках».

«...единственная просьба к тебе – сбереги его. Сам понимаешь, Генка – это самое дорогое, что осталось у нас с Любой...»

В общем, все ясно. Можно было и не читать.

– Ну, как там мать поживает?

– Она еще ничего не знает, Евгений Петрович.

Кочин кивнул, сел за стол и придвинул к себе лист бумаги.

– По штату ты зачислен в разведроту. Послужишь там пару месяцев, на боевые ходить не будешь. А потом я переведу тебя в хозвзвод. Все ясно?

Гешка пожал плечами.

– А зачем переводить? Честно говоря, я бы и в разведке с удовольствием.

«Конечно, он еще не представляет, куда попал. – Кочин, не поднимая глаз, постукивал карандашом по столу. – Или же играет».

– Ладно, подумаем, – ответил он, но только для того, чтобы закончить разговор.

Гешка это почувствовал. Он смотрел на Кочина с недоверием, как пациент на стоматолога, который, стоя спиной, подбирает инструменты.

– Вам коньяк сейчас принести?

«Ах, Лева, Лева! – Кочину показалось, что у него вдруг начинает неметь спина. Он повел плечами, поднял руки вверх, потянулся всем телом. – Дурацкое сочетание просьбы и подарка...»

– Потом. Пусть пока у тебя лежит. – Гешка кивнул. Кочин увидел в изменившемся лице солдата и его настороженных глазах свою растерянность, свой внезапный конфуз. – А коньяк какой? Армянский? – вдруг полюбопытствовал Кочин.

– Да, – неуверенно кивнул Гешка. – «Ахтамар», кажется.

Телефон задрожал от звонка. Кочин в Афганистане возненавидел телефонные звонки.

– Когда ты родился, мы с твоим отцом тоже пили «Ахтамар». Лева привез откуда-то. – Кочин поднял трубку: – Кочин... Привезли? Один человек?.. Я с ним смогу поговорить?..

Он положил трубку. Гешка встал, начал застегиваться.

– Мне идти?

«Окунуть мальчика в грустные реалии? – думал Кочин, выключая кондиционер и задерживая занавески на окнах. – Для его же пользы».

– Вот что, поедем со мной, – сказал он, надевая солнцезащитные очки и кепи. – Покажу тебе полк. Что-то вроде экскурсии.

Гешка удобно развалился на заднем сиденье командирского «уазика». «Привык к папиной машине», – вскользь подумал Кочин, бросив короткий взгляд на зеркальце заднего вида. Гешка прилип к окошку. Москвич восторгался голубыми модулями, похожими на овчарню, длинными рядами колючей проволоки, горбатыми закопченными вертолетами и выцветшими портретами мужественных людей.

– Евгений Петрович, а вы в бою много раз бывали?.. А правда, что офицеров кормят тут бесплатно?.. Мне чеки выплатят только в конце месяца?.. Говорят, в афганских магазинах полно японских товаров?..

Водитель крутил головой, будто его раздражала летающая рядом муха, и морщился. Он чувствовал себя оскорбленным оттого, что должен был везти какого-то наглого салагу, который вот так запросто обращался к командиру полка. Перед Кочиным, вспоминал водитель, иной раз боевые комбаты бледнели.

Кочин будто слышал мысли водителя, улыбался краешком губ, отвечал Гешке невпопад.

– Вот, смотри налево! Это клуб, три раза в неделю фильмы, бывают неплохие концерты.

– А билеты дорогие?

– Бесплатно... Там же библиотека. Между прочим, отличный фонд, нам книги со всего Союза присылают... Там дальше – крышу шиферную видишь? – полковая баня с сауной и бассейном.

Рядом спортивный городок, игровые площадки. В теннис играешь? Вот здесь подряд три магазина – книжный, промтоварный и продуктовый... Парикмахерская... Это твоя столовая. Ну, плац ты уже знаешь...

– Дом отдыха! – воскликнул Гешка.

– Ну да, вроде того...

Водитель зло хмыкнул, обрушил свои чувства к Гешке на руль, машина, как на слаломе, затанцевала змейкой между рытвинами.

Длинноногая девушка с белым свертком под мышкой кивнула с обочины командиру полка. Она прикрыла глаза ладонью, хотя была в узких зеркальных очках. Кочин сделал вид, что не заметил ее.

– Местные красотки? – спросил Гешка. Водитель ударил кулаком по кнопке сигнала. Машина вякнула, и девушка быстро отшагнула от дороги. Гешке показалось, что свертком она пыталась спрятать за спиной.

– Красотки, – сквозь зубы ответил Кочин, стараясь придать своему голосу как можно больше строгости. – Опять идет загорать в рабочее время.

Он глянул на Гешку в зеркальце. Тот смотрел на часы, на губах – изумленная улыбка. Ошибся Евгений Петрович, время самое что ни есть обеденное. «Переиграл», – мысленно сплюнул Кочин.

– Не столько загорать, товарищ подполковник, – неожиданно вставил водитель сиплым голосом, – как... лишний раз...

– Я знаю, – оборвал водителя Кочин. Гешка хотел еще раз взглянуть на красотку через заднее окошко, но там все погрузилось во мрак пылевого смерча.

– Тут есть где загорать?

– Вокруг нас, Гена, отличные альпийские луга. Весной – зеленая травка, тюльпанчики. Небо синюшее, как этикетка на сгущенке. – Кочин махнул рукой куда-то в сторону: – Вот там, за автопарком, перед минным полем, наши дамы и загорают.

– Перед минным полем?! – Гешка подумал, что ослышался. Водитель снова начал кидать машину из стороны в сторону и вполголоса чертыхаться.

– Солнце тут, Гена, сильнее, чем в Крыму, Одессе и на Кавказе, вместе взятых. Так своему бате и напиши. В Союз вернешься загоревший, сухой, как вобла, мать не узнает.

Кочин снова бросил взгляд на Гешку. Он помнил сына своего сослуживца Левы Ростовцева еще совсем маленьким, почти младенцем. Доверчивый к взрослым, Гешка всегда выбегал встречать Кочина, когда тот приходил в гости, и заглядывал с неподдельной надеждой в глаза, ждал подарка. С игрушками в гарнизоне была напряженка, и Кочин таскал пацану всякую ерунду: пряжку от солдатского ремня, пустые гильзы, танковые эмблемы, звездочки. Для Гешки все это было настоящим сокровищем, хотя точно такие же гильзы, эмблемы и звезды вполне мог приносить домой отец.

– А вы палец где потеряли? – отвлек Кочина от воспоминаний Гешка. – Взрывом оторвало?

Он не заметил, как подполковник переглянулся с водителем.

– Отморозил, – ответил Кочин таким тоном, будто речь шла о сбритых усах. – Пришлось согласиться на то, чтобы врачи оттяпали кусочек.

– Вы служили на Севере?

– Нет, здесь отморозил. В прошлом году.

– Здесь? Отморозили? – искренне удивился Гешка.

– Зимой, Гена, на Саланге мороз бывает под тридцать. Такой, кажется, тебе по душе? – Водитель не без злорадства ухмыльнулся. А у Кочина вдруг шевельнулось в душе что-то вроде жалости к Гешке. Он наивный, даже смешной от своего незнания войны. А мы – особые, мы из другого теста, мы едва ли не сошедшие с небес. Да, думал Кочин, мы Особые. Это беда, масштабы которой пока еще никому не ведомы. «Дом отдыха», вспомнил он слова Гешки, с ненавистью глядя на пропыленные домики, чахлые деревца, ряды колючей проволоки. Дом отдыха от нормальной жизни...

Машина проехала КПП.

– К приемному? – спросил водитель. Кочин кивнул, открывая на ходу дверцу.

– Мне с вами? – Гешка тоже открыл дверцу.

– Смотри сам...

«Уазик» остановился у крыльца. На ступеньках его сидели два бритоголовых парня. У обоих по одной ноге перевязано, оба дымили сигаретами. Водитель вышел из машины следом за Кочиним, изящным движением поднял крышку капота, будто это было фортепиано, несколько секунд пристально рассматривал двигатель, как ногти на своих пальцах. Потом коснулся какой-то детали, тут же вытер руки белой тряпкой.

– Ты в хоззвезде служишь? – спросил Гешка водителя, по каким-то признакам уловив в нем родственную душу.

– Чего?! – вдруг дико крикнул водитель, выпрямился и пронзил Гешку таким взглядом, словно тот обозвал его салагой.

Ближе познакомиться не удалось.

Кочин не торопился открыть дверь с табличкой «Приемное отделение», и Гешка понял: он ждет его и вся его поездка затеяна ради того, что скрыто за дверью.

А там сначала – запахи. Сладковатый запах лекарств, эфира, едкий – спирта, карболки, и от всего этого легкий озноб, ощущение пустоты в теле – стойкий рефлекс, который тянется с детства. Потом – темень коридора, кажущаяся непроглядной после ослепительной улицы.

И крик.

Кочин окунулся в этот черный, пахнувший эфиром крик. Кто-то маленький, в белом, вышел ему навстречу, и подполковник громко, чтобы его можно было расслышать, спросил:

– Тяжелое ранение?

И опять крик. Будто человек делал в горах эхо: э-э-э-у-у-у.

– Осколком гранаты разворотило мякоть ноги, – скованно ответил маленький в белом, будто по его вине это случилось.

Гешка стоял за спиной Кочина, но тот не оборачивался, не смотрел на него.

– Он со мной, – только и бросил командир полка маленькому в белом. – Можно зайти?

Распахнув стеклянную дверь, Кочин зашел в холодную комнату. Гешка увидел, что на плечах подполковника уже висит халат.

Посреди белой комнаты на тележке лежал мясо-красный голый человек. Руки его были заведены вниз и связаны под тележкой бинтом, поэтому человек не мог ни встать, ни повернуться, ни прикрыть свою наготу. Он выгибался дугой, кричал и пытался разорвать бинты. Трое врачей – мужчина и две женщины – склонились над его ногой, развороченной от бедра до колена, потерявшей оттого форму, не похожей ни на что человеческое, с присохшими черными бинтами, с вишневыми комьями запекшейся крови, с сизыми рваными мышцами, – белыми лепестками сухожилий, с дурным запахом теплой крови.

– А-а, сука... Бля-а-а... не могу...

Женщина пыталась сделать ему укол в ягодицу, но человек так дернулся, что игла, застряв в теле, вырвалась из шприца, и прозрачная жидкость брызнула на выпачканный в крови живот.

– Не могу-у-у...

– Ну что ты возишься? – устало спросил женщину врач-мужчина.

– Он дергается... Никак не могу уколоть...

– Ударь по щекам... А ну, закрой рот!

– Отрежьте ее! – орал человек. – Отрежьте!..

– Еще зажим! – перекрикивал его мужчина. – Да промокни же ты здесь, все мокро...

Женщина с поднятыми окровавленными руками прошла мимо Кочина и Гешки к столу за тампонами. В клеенчатом фартуке она была похожа на продавщицу мясного отдела.

– Бедный парень, – сказал маленький в белом. – Лучше бы он потерял сознание.

– Будете ампутировать? – спросил Кочин. Врач пожал плечами.

– Ампутировать всегда успеем. Попробуем собрать по кусочкам. Хотя там уже не нога, а сплошной фарш.

– А ну лежи спокойно! – закричала женщина прямо в лицо голому человеку с фаршем вместо ноги. – Распустил сопли из-за ерунды! Закрой рот и терпи!.. Не дергайся, я тебе говорю!

Санитарка выволокла из-под тележки таз, полный окровавленных тампонов. Издали казалось, что она несет таз с клубникой.

Врач бросила на пол кривую иглу, ухватила пинцетом из стерилизатора другую и снова ткнула шприцем в тело.

Человек кусал губы и мычал.

– Что-то не идет, – кряхтела женщина со шприцем. – Расслабь попу, ну! Не напрягайся, говорят тебе!..

– Дай ему двойную, Света, – буркнул мужчина, отошел к рукомойнику, стягивая порозовевшие перчатки, кивнул Кочину: – Здравствуйте, Евгений Петрович... Извините, руки грязные.

– Здравствуй, Игорь! Когда я смогу с ним поговорить?

Врач, оттирая пальцы щеткой, пожал плечами:

– Можно и сейчас. Пока девочки готовят его к операции, десять минут у вас есть.

Вытирая руки вафельным полотенцем, он подошел к тележке, склонился над лицом человека.

– Ну что? Балдеешь?

Голый человек уже лежал тихо, только дышал часто и глубоко. На его щеках проступил румянец, глаза заблестели.

Кочин тоже подошел к раненому.

– Обезболили?

– Морфий, – ответил врач. – На время отделили его душу от тела. И вы видите – он счастлив. Наше тело, этот фантик для души – отвратительная вещь... Спрашивайте, Евгений Петрович, он все понимает.

Кочин склонился над влажными глазами.

– Кузьменко, ты можешь ответить, как вы оказались в Нангархаре?

Человек, не сводя глаз с Кочина, едва заметно шевельнул плечом. Губы его дрогнули.

– Не знаю...

– Как не знаешь, Кузьменко? Ты помнишь – вы доски везли на седьмой километр? Помнишь это?

Человек кивнул:

– Мы везли доски... на седьмой...

– Да-да, – торопился Кочин, боясь, как бы Кузьменко не потерял сознание, не уснул. – Но вы оказались в Нангархаре, вас обстреляли... Помнишь? Зачем вы поехали в Нангархар, Кузьменко?

– Не знаю, мы долго ехали...

– Как долго?

– Час... Даже больше.

– До седьмого километра ехать двадцать минут, Кузьменко!

– Прапорщик спрашивал, как доехать до «точки»... перед мостом, где развилка...

Потом еще раз...

– У кого спрашивал? Он что, не знал маршрута?

– Такси там было... Желтая «Тойота»... А потом еще минут сорок... Они из гранатометов лупили... Ребята вылезали из кабин, чтоб не сгореть... Чумак и Колыбаев босиком были.

Кузьменко говорил все тише, зрачки плыли под веки. Он, наверное, уже не видел офицера. «Единственный свидетель», – подумал Кочин.

Врач встал рядом с командиром полка, сунул руки в широченные карманы белого халата. «Свидание закончено», – понял Кочин.

– Завтра он будет отходить от наркоза. Зайдите послезавтра, Евгений Петрович, может быть, он что-нибудь еще вспомнит.

Гешка вышел на улицу, прошаркал к «уазику», остановился у дверцы. Кочин видел только его спину. Водитель завел мотор. Гешка слабо потянул на себя дверцу, но та не открылась.

– Пройдись пешком, – сказал ему Кочин.

– А кто это, Евгений Петрович?

– Рядовой Кузьменко, водитель из разведроты, в которой, кстати, тебе служить, – Кочин мельком взглянул на Гешку. Тот, покусывая спичку, кивал головой. На лице – растерянность, но не страх. Повернулся и поплелся в тень модуля.

«Зачем я это сделал? – подумал Кочин. – Успеет еще насмотреться до блевотины...»

Гешка ковылял по вмятинам пыльной дороги и вспоминал Сидельникова, как волок его по наждачной поверхности ледника Инэ, оставляя за собой темно-красную маслянистую нить. «Бедные мы, бедные», – думал он.

«Уазик» обогнал его, обдав горячей пылью.

* * *

Афганистан тоже иногда кажется тесным. Прапорщик Гурули, нависая над Гешкой как высохшая сосна, прогремел:

– Ростовцев! Что ж ты мне не сказал, что в Сачхере родился? Ты ж мой зема!

И с размаху врезал ему кулаком по плечу, что, должно быть, означало хорошее к нему расположение.

Витя Гурули был заметной фигурой в разведроте. Сильный и жестокий, будто специально созданный для войны, прапорщик начисто был лишен чувства страха. Из-за этого он достаточно уютно чувствовал себя в Афганистане, но не всегда ладил с непосредственным начальником. За неполных два года старшинства в разведроте Витя не пропустил ни одной войны, как здесь называли боевые операции. Он добросовестно громил душманские склады, возглавлял группы для самых опасных задач, десятки раз выносил на своих плечах раненых ребят и трофеи. При всем этом он не имел ни одного ранения, ни одной контузии, как, впрочем, и награды. Зато его обожали корреспонденты и фотокоры военных газет за колоритную внешность, и изображение Витиной физиономии часто появлялось на страницах прессы. В полку у него было весьма образное прозвище – Конь.

Жил Гурули не в общежитии, а в ротной каптерке, провонявшей грязной одеждой и сапожным кремом. Кроме железной койки, из мебели у него были канцелярский стол, застеленный изрезанной клеенкой, две табуретки, тумбочка с осколком зеркала, бритвой, рулоном ниток, стопкой писем от уволившихся ребят да прибитая к фанерной стене пустая полочка для книг.

– Идем в баню! – сказал поздно вечером прапорщик Гешке, бросая ему новое, только из пачки полотенце и пару носков. Бельем Гурули обеспечивал своих ребят под завязку. Сам никогда не стирал носки – выкидывал и надевал новые. В тайниках его каптерки хранилось немыслимое количество одежды. Они шли в полной темноте мимо масксетей, палаток и модулей. Гешка на всякий случай держал руку вытянутой вперед. Гурули на своих страусиных ногах мчался со спортивной скоростью, невероятно легко ориентируясь в лабиринтах построек. Гешка дрожал от холода, потому что Гурули сказал ему снять все, кроме штанов и ботинок.

Под масксетью стояла огромная резиновая ванна, доверху наполненная водой. Гурули разделся догола, заорал и прыгнул в воду. Он охал, ахал, сопел, фыркал в темноте. Гешка долго не мог решиться залезть в совершенно холодную воду.

Слабый ветер трусил маскеть. Она шуршала над головой, как листья, осыпалась пылью. «Двигайся! Двигайся!» – кричал прапорщик Гешке, не давая ему вылезти из бассейна. Гешка судорожно дергал руками и ногами, разгребая черную воду с плавающими в ней звездами, трясся и смеялся, и подбородок прыгал от холода.

Вокруг них бегали огромные псы. Пока Гешка растирал онемевшую кожу жестким полотенцем, псы несколько раз ткнулись теплыми мордами ему в ноги. «Фу! Место!» – орал на них Гурули.

Далеко за полночь Гешка вошел в храпящую теплую казарму, влез в постель, покрутился в ней, ликвидируя все щелки под одеялом. Огромный и сутулый, как йети, Гурули неслышно подошел к нему, накрыл сверху чем-то теплым и тяжелым, наверное, бушлатом. Счастливый от холодного купания, теплой постели и потока гурулинской доброты, Гешка засыпал с улыбкой.

– Витя, а как Кузьменко ранили? – спросил как-то Гешка.

Во всем виноват, оказывается, был какой-то прапорщик.

– Он не знал маршрута, спросил у афганцев. Какой-то таксист показал ему дорогу на седьмой километр. – Гурули вытаскивал из банки с компотом большие куски вареных яблок. – А заехали они в Нангархар. Осиное гнездо потревожили, понимаешь? Афганцам никогда верить нельзя, они тут все против нас... Кушай, кушай, бери хлеб, мочи в компоте.

Ближе Гурули не было человека в роте у Гешки. Даже ребят из отделения он не знал по имени. Только с одним познакомился – с Янышем. Парень из Подмосковья, нашли кое-какие общие интересы. Командир отделения – сержант Игушев, – приземистый, с бордовыми и голубыми колодками и желтыми нашивками на груди, сказал как-то Гешке, когда тот опоздал в строй:

– Старшине прислуживаешь, салага? Еще раз опоздаешь, повыбиваю зубы.

Сержант дружил с Гурули и ревновал его к Гешке.

А Яныш был приятным парнем. Он умел выслушать, никогда не перебивал и живо интересовался альпинизмом.

– Возьмешь в горы, когда вернемся в Союз? – спросил он.

– А что, здесь гор не хватает? – пошутил Гешка.

Как-то Гешка зашел к старшине и там напоролся на Игушева. Сержант громко рассказывал прапорщику, почти кричал:

– А она, сука, уже с другим! Я эту б... убью, если живым вернусь!

Он очень страшно ругался, потом скомкал в кулаке почтовый конверт и изо всей силы ударил по дверце шкафа, в котором хранились шинели. Фанера с коротким хрустом проломилась. Гурули, увидев Гешку, бросил ему:

– Выйди, потом!

Один раз Гешка сразу после обеда пошел к женской общаге. Сел у столба, надвинул на глаза панаму и, поглядывая на часы, стал ждать. Длинноногая девушка с белым свертком в руке проплыла мимо него, оставив за собой легкий запах дезодоранта. «Точно, как поезд», – подумал Гешка, посмотрев на часы.

Гурули готовил взвод в засаду. Он ходил вдоль рюкзаков, выложенных перед казармой на плацу, что-то считал про себя, записывал циферки на бумажке. Потом раскладывал у каждого рюкзака гранаты, сигнальные ракеты в полиэтиленовых мешочках, пулеметные ленты, коробки с сухпайками. Он проверял работу радиостанций, дергал за ремешки касок. Издали казалось, что старшина ходит среди спящих на асфальте солдат и пытается их разбудить. Амуниция была пропыленная, выцветшая, мышиного цвета. Новые рюкзаки Гурули выдавал только для хозработ.

– Жалеешь? – спросил Гешка. Гурули распрямился, посмотрел на Гешку красноватыми глазами.

– Ты скорпиона когда-нибудь видел, сынок?.. Жалеешь! Кишки наших гавриков жалею!
– Понял, маскировка! – прикусил язык Гешка. – А почему ты не хочешь взять меня на войну?

– У замполита спрашивай, почему он тебя в списки не внес.

Гешка, однако, сам не понял, зачем он спросил у Гурули насчет войны. Он не испытывал к ней никакого интереса, он был освобожден от нее, как отличник от зачета, и это было приятно – чувствовать свое исключительное положение, настолько приятно, что невольно хотелось убеждаться в этой исключительности еще и еще раз. Наверное, потому Гешка последовал совету старшины.

Замполит роты старший лейтенант Рыбаков сидел в майке за столом и подшивал к куртке подворотничок.

– Вы у нас временный, – сказал замполит, даже не дав Гешке раскрыть рта, – но все равно надо включаться в жизнь коллектива. Ваш отец генерал?

– Генерал, – подтвердил Гешка.

– И с чего это он вас сюда запихнул? – пожал плечами Рыбаков, перекусывая нитку. Гешке не понравился такой тон.

– Отец мой, между прочим, принципиальный человек.

– Да я верю, – сразу же согласился Рыбаков, – и все понимаю. Просто как-то не принято ехать генеральскому сыну в такую Тмутаракань.

Он повесил курточку на спинку стула, достал из ящика стола тетрадь, стал листать ее. Гешка уставился в потолок. «Дернул же меня черт зайти к нему!»

– Ну-ка, Ростовцев, скажите мне девиз соревнования.

Гешка для виду наморщил лоб.

– Надежно защитим... Мирный труд надежно...

– Не знаете, – оборвал его замполит и, низко склонившись, стал что-то писать в тетради. – Придется подучить. А ведь я давал под запись.

Он постукивал карандашом по столу, шурился, глядя на Гешкины пыльные ботинки.

– И внешний видик у вас...

«Я его ненавижу!» – подумал Гешка.

Рыбаков цепким взглядом прошупывал поверхность Гешкиной плоти. Гешка испытывал такое чувство, будто он был голым выставлен напоказ.

– Вот что мне скажите, Ростовцев. Почему вы к старшине роты обращаетесь на «ты»?

– Мы с ним друзья, – не сразу ответил Гешка, потому как в самом деле не знал, что ответить на этот вопрос.

– Друзья? – удивился замполит и шлепнул карандашом о стол. – Какие могут быть друзья – вы солдат, только начали службу, а он прапорщик... Хотя не в этом дело. Здесь вы пока еще никто, Ростовцев. Пустой звук. Там, в Москве, может быть, вы что-то значили. А здесь любой человек начинает с нуля, имейте это в виду.

Гешке рассказывали, что замполит ранен и контужен, вывести его из себя очень легко, и потому Гешка не стал оправдываться, вонзил взгляд в крашеный линолеум и закивал головой. Как только Рыбаков замолк на секунду, Гешка без всякого перехода сказал:

– Мне бы хотелось пойти на засаду. Я инструктор по альпинизму, могу быть полезен в горах.

Замполит ничуть не удивился такой просьбе, кивнул, как бы подчеркивая, что желание Гешки совершенно естественное:

– Это хорошо, что вы стремитесь в бой, но для начала надо выучить девиз соревнования, и не поленитесь вычистить ботинки. Право идти на войну надо заслужить, товарищ Ростовцев. Если хотите, вы еще не доросли до того, чтобы идти с нами в разведку.

Конечно, замполит крутил-вертел Гешке насчет девиза и ботинок. Из числа молодых солдат на засаду не шли только четверо, в том числе и Яныш, который на всех политзанятиях отвечал блестяще и всякие лозунги и девизы в своей тетради записывал красным фломастером. Скорее всего, думал Гешка, Рыбаков пытается убедить в том, что только он, замполит, решает, кого брать, а кого не брать на войну. «Бог с тобой! – мысленно согласился Гешка с таким раскладом. – Делай вид, что ты не хочешь брать меня на боевые, а я буду делать вид, что этому верю».

В те дни Гешка чувствовал себя почти превосходно.

Утром на физзарядке сержант Игушев подтянулся на перекладине пятнадцать раз. Эффектно спрыгнул, отошел на шаг в сторону и сказал:

– Ростовцев, к снаряду!

Гешка подтянулся шестнадцать раз. До десяти Игушев считал вслух, затем замолчал и с деланой озабоченностью уставился в свой блокнот. Отделение дыхание затаило, наблюдая за Гешкой.

Он мог бы и больше подтянуться, но решил, что и шестнадцати достаточно.

Потом бегали по городку со страшной скоростью – сержант прямо как с цепи сорвался. «Не отставать!» – только и орал он. Все ужасно выдохлись, чуть на завтрак не опоздали.

Днем Гурули позвал Гешку к себе, закрыл за ним дверь и вдруг ни с того ни с сего обрушил свою лапищу ему на плечо. Удар был слишком сильным, и Гешка даже всплил от боли:

– Ты, Витя, озверел?

Гурули неприятно рассмеялся, оскалив крупные белые зубы, снова поднял руку, но на этот раз ласково провел ладонью по Гешкиной голове.

– Больно?.. А вот когда пуля попадает в плечо, то рука до самого локтя немеет, кажется, что она все время мерзнет, даже если жара за пятьдесят. А боль на всю грудь отдается.

– Но при чем тут я? – вроде как в шутку проворчал Гешка, потирая плечо.

– Ты перед кем выпендриваешься? – продолжая показывать зубы, спросил Гурули, и Гешка так и не понял, всерьез он или нет. – Кто ты такой, а? У Игушева два ордена Красной Звезды, в него четыре литра чужой крови влиты. И ты ему нос хочешь утереть, салабон?

Вечером рота ушла на засаду. Яныш заступил в наряд, а Гешка забрел на спортивную площадку, чтобы не видеть, как тяжелый от касок, бронежилетов и оружия строй, покачиваясь, пылит по дороге и чтобы никто из ребят на него не смотрел.

«За кого они меня принимают? – накручивал сам себя Гешка. – Быдло, деревня неотесанная!..» Прыгнул, ухватился руками за перекладину, поднял ноги вверх, потом вниз – махом дугой, да так, что почувствовал упругость горячего воздуха, сложился вдвое ножиком, вылетел на прямых руках над перекладиной.

«Кто я такой, спрашивают...»

Вдохнул, оттолкнулся руками, полетел вниз, как плеть, описал дугу над землей и встал на руки, как стрелка часов на двенадцати.

«Кто я такой... Герои, мать вашу...»

В тот же вечер Гешка зашел в модуль старших офицеров к Кочину. Евгений Петрович сидел под настольной лампой и простым карандашом рисовал квадратики на листе ватмана. Рядом в стакане с кипятильником пузырилась вода. Комната была уютной, похожей на студенческую общагу.

– А, это ты! – Кочин встал навстречу Гешке, мельком взглянул на часы и протянул руку. – Проходи, садись. Чай будешь?

Гешке показалось, что Кочин очень не желал его прихода, и, стараясь не утомлять командира полка своим присутствием, сразу перешел к делу. Он путано, но немногословно сказал, что до перехода в хозвзвод хотел бы, пусть только раз, сходить на боевые, испытать

себя, ибо совесть его не на месте и перед товарищами стыдно, а замполит Рыбаков в принципе не против этого, нужно только разрешение. Кочин не смотрел на Гешку, машинально перекладывал книги, карандаши с места на место, невпопад кивал головой. И когда Гешка совершенно ясно понял, что Кочин его не слушает, а напряженно ожидает какого-то события, в дверь негромко постучали.

Евгений Петрович выпрямился, как если бы в комнату вошел маршал, замер и прижал палец к губам. Гешка затаил дыхание и испугался неизвестно чего. Стук повторился. Затем приглушенный шепот:

– Евгений Петрович... Вы дома? – Кочин показал рукой Гешке на кресло и сам неслышно опустился за стол. Прошла безмолвная минута. Наконец Кочин как ни в чем не бывало спросил:

– Так что случилось, Гена?

Геша стал опять рассказывать, но Кочин, похоже, снова его не слушал, а думал о чем-то своем. «А голос был женский, – с ехидцей подумал Гешка. – С чего бы это Евгений Петрович так сдрейфил?»

– Какая засада? – вдруг раздраженно спросил Кочин и откинулся на спинку стула. – Я ведь тебе объяснял, что на боевые ты ходить не будешь. Что тебе не понятно?

Гешка обалдело смотрел на подполковника. «Не буду так не буду! – обиженно подумал он. – Баба с возу – кобыле легче».

Целую минуту они молчали. Кочин крутил карандаш в пальцах и смотрел на лист бумаги, словно сочинял стихи, да вот рифму никак подобрать не мог. Гешка щелкал суставами пальцев и мечтал отсюда скорее уйти.

– Родителям пишешь? – запросто перешел Кочин на другую тему и более спокойный тон, однако все еще не поднимая головы.

– Редко...

– Привет от меня передавай. А на боевые не просись, нечего тебе туда соваться. Без тебя обойдутся, – он наконец поднял голову и в упор посмотрел на Гешку: – Ну зачем тебе это? Крови за свою жизнь не насмотрелся, а? Или пострелять из автомата хочешь?

В ответ Гешка смог лишь пожать плечами. Выходя из модуля, он поклялся никогда больше не заходить к Кочину. Матери он написал: «Привет тебе от моего комполка».

Рота вернулась после завтрака. Дощатая казарма заходила ходуном от топота ботинок, лязга металла. Молодые были перевозбуждены. Солдат Лужков с тонкой цыплячьей шеей рассказывал всем, как ему хотелось курить. Никто его, конечно, не слушал, сержанты рывкали команды на сдачу оружия, на построение. Игушев как бы невзначай сильно толкнул Гешку локтем. «Каски, рюкзаки – мне! – трубил на всю казарму Гурули. – Только без пыли, мальцы, без пыли!» Койки скрипели под тяжестью амуниции, брошенной на них. В мутном воздухе обозначились солнечные лучи, похожие на желтые шторы. От ребят пахло металлом и оружейной смазкой. Гешке казалось, что все до одного должны быть в крови и ранах, и он старательно отыскивал на их лицах следы боя. Когда Лужков случайно оказался рядом с ним, Гешка схватил солдата за рукав, притянул к себе и вполголоса спросил:

– Ну, что там было?

– Ничего! – сверх меры громко ответил возбужденный солдат, в глазах которого горел восторг школьника, вернувшегося из пионерского похода. – Не было духов! Всю ночь на камнях пролежали. Знаешь, так хотелось курить! Но в засаде, понимаешь, нельзя...

Все ребята стали другими. Гешка не мог понять, что изменилось в них со вчерашнего дня, но чувствовал, что теперь его отделяет от них бесконечность.

Когда Гешка забрел в каптерку, Гурули лишь на секунду отвлекся от пересчета рюкзаков и бронежилетов:

– Зайди потом, я сейчас занят.

Пришлось выйти. В коридоре Гешку едва не сбил с ног замполит Рыбаков. Легкий налет однодневной небритости, взлохмаченные волосы, засученные рукава выцветшей куртки делали его более привлекательной личностью, чем в «мирные» дни. Но замполит изменился лишь внешне.

– Ростовцев! – сделал он удивленное лицо. – А вы почему здесь?

– А где я должен быть? – не очень вежливо – вопросом – ответил Гешка.

– В столовой! Идите и помогайте наряду накрывать завтрак. Ваши товарищи с боевых пришли, сейчас все в первую очередь для них!

«Подумаешь, геройство – ночь на камнях пролежать, – съязвил в уме Гешка, чувствуя, как стремительно портится у него настроение. – Полежали бы они ночку на леднике...»

– Витя, я не трус, понял! – крикнул Гешка, снова залетев в каптерку Гурули.

Прапорщик чесал смуглую волосатую грудь, сидя на столе в одних брюках.

– Чего орешь?

– Меня Игушев ненавидит! Рыбаков, как последнего чмыря, в столовку хлебушек раскладывает посылает! Я в гробу такую службу видел! Сынка из меня делаете?

– Радуйся, дурачок, – ответил Гурули и зашлепал босыми ногами к двери. – Ты сто процентно домой вернешься...

Перед тем как уснуть, Гешка долго думал о Тамаре. Он впервые после расставания почувствовал острую тоску по ней. «Интересно, – думал он, – она победила в конкурсе красоты?» Он рисовал ее в воображении своей невестой – в белой фате, поверх которой сверкала золотом корона. Он представлял ее раздетой. Он видел, как она ходит по ковру на отцовской даче. «Так будет, – думал Гешка, – и это действительно лучше, чем не спать на засадах». Облегчения или радости, однако, эта мысль ему не приносила. Он не мог даже предположить, что не вернется.

* * *

Рыбаков исполнял обязанности командира разведывательной роты уже третий месяц подряд. Прежнего командира роты комиссовали по ранению в голову, нового еще не прислали. Замполиту было двадцать пять, но без знаков различия он внешне почти не отличался от солдат. Два года назад, когда его впервые представляли роте, кто-то из строя выкрикнул: «Вешайся, парень!» Рыбаков покраснел до медного оттенка.

Неделю он знакомился с личным составом. Вызывал к себе в комнату по одному человеку, записывал в тетрадь индивидуальной работы сведения о родственниках, друзьях, чертах характера, увлечениях и пагубных привычках. Таким образом он хотел вычислить наглеца, крикнувшего из строя. Как ни странно, ни один из солдат и сержантов, если верить их словам, не имел пагубных привычек.

После боевого крещения, которое заключалось в двухчасовом ползании под пулями среди вязких борозденек весенней пашни, замполит Рыбаков завел новую тетрадь индивидуальной работы, в которой описал поведение каждого солдата в пережитом бою. А первую тетрадь он выкинул.

Поведение в бою стало для Рыбакова мерилom всех человеческих ценностей. Иногда могло показаться, что его интересует не столько результат боя, как его процесс, хотя разведрота в большинстве случаев оправдывала возлагаемые на нее надежды. К бою Рыбаков относился как к архиважному, торжественному событию, принять участие в котором – высокая честь. Он настолько приучил к этой мысли солдат, что для многих из них стало верхом позора не пойти на войну без уважительной причины. Находчивый от природы Рыбаков, подметив такое явление, умело превратил его в действенный рычаг воспитания, то есть в поощрение и наказание.

В отношении Гешки Ростовцева замполит получил, разумеется, от командира полка категорическое указание не брать на боевые. Но сделал вид, что такое решение принял сам, – да, взял грех на душу, слукавил немножко, зато на третий раз общения с замполитом Гешка выучил девиз соревнования и даже фамилии высшего комсостава.

Вообще-то Гешка сам не до конца разобрался, хочет он на боевые или нет. Его желания выворачивались наизнанку по несколько раз за день. Обычно во второй половине дня, ближе к ужину, Гешка настолько накручивал себя героическими и самолюбивыми мыслями, что начинал едва ли не мечтать о пропыленном комбезе и тяжелом «бронике» на плечах. Он, хотя и не подавал виду, смертельно завидовал тем, кто уходил на ночь в засаду. Однажды в каптерке у Гурули, когда старшина вышел, Гешка примерил бронежилет и безрукавку с карманами, разглядывая себя в осколок зеркала. «Неплохо бы в таком виде сфотографироваться», – подумал он и, выдавив из себя звериный вопль, обрушил на несчастную дверцу фанерного шкафа удар ногой.

Но уже перед отбоем и особенно в койке интерес к войне у Гешки стремительно угасал. Чувство тоски и одиночества особенно усиливалось, когда Гешка начинал думать о Тамарке или ослепительно белых кавказских ледниках. К утру пацифистские мысли уже безраздельно владели Гешкой и даже перерастали в идею: «Перейду в хозвзвод, отслужу и с чистой совестью вернусь в Москву». Эту фразу он повторял в уме как заклинание. Однако начинались занятия, Гешка надрывался на строевой, стрельбе или в поте лица постигал одиночные действия в бою и снова начинал завидовать солдатской вытренированности Игушева, его бордовым орденским планкам. «Орден, конечно, нужен, – с другой стороны подходил к своей идефикс Гешка. – Одна такая штукавина, и не только МАИ – МГИМО обеспечено».

Поднималось солнце, и окончательно разрушались пацифистские цели, которые Гешка выстраивал под одеялом. И заклинание казалось уже утешением для слюнтяев. «Трус, чмо болотное, – ругал он себя. – Тамарка бы презрела меня, если бы подслушала мои мысли. Эх ты, бесстрашный скалолаз, снежный барс, так тебя да разэтак!»

Такая беспощадная самокритика подталкивала Гешку к двери кабинета замполита. Когда Гешка вторично напомнил Рыбакову, что хочет в бой, тот холодно и жестко ответил:

– Ростовцев, мне неприятно разговаривать с вами на эту тему.

Словно оплеванный, Гешка попятился спиной к двери.

Этим же вечером рота снова вышла на боевые. «Ну и черт с вами! – думал Гешка, лежа в опустевшей казарме. – Моя совесть чиста, я сделал все, что мог. Меня не берут потому, что я сын генерала. А генеральских сыновей мало, их надо беречь. Они – будущие конструкторы и дипломаты, от них судьбы мира зависят...» Он хохотал, и смех этот страшно, нелепо звучал над пустыми койками. Яныш, охранявший со штык-ножом пустую оружейную комнату, заглянул в помещение.

– Ты чего ржешь, конь? Крыша поехала? – Гешка притворился спящим.

Наутро в подразделение зашли два молоденьких, одетых во все новенькое капитана. С порога они вежливо, но длинно отчитали Яныша за то, что тот сидел на тумбочке и читал книгу, после чего поинтересовались, где командир роты.

– А у нас его вообще нету, – с трудом скрывая удовольствие, ответил Яныш.

Капитаны тогда попросили вызвать замполита.

– А замполит на засаде.

Посоветовавшись вполголоса, капитаны спросили о наличии старшины.

– А все на засаде. Никого нет! – вздохнул Яныш, чувствуя моральное удовлетворение.

Капитаны снова посоветовались, после чего один из них сказал:

– Ну и ладно, обойдемся без них... Мы из политотдела, товарищ солдат.

Офицер выждал паузу, необходимую, наверное, для того, чтоб Яныш до конца осознал, кто перед ним. Но широкое румяное лицо Яныша не дрогнуло.

– Нам поручено провести у вас осмотр личных вещей солдат и сержантов на предмет товаров, которые приобретены в дуканах.

– И в качестве трофеев тоже, – добавил второй капитан, с прищуром глядя на Яныша, отчего тому захотелось тут же вывернуть карманы.

Капитаны прошли по коридору, уверенно распахнули дверь каптерки, Гешка, применявший в очередной раз горный комбез, вздрогнул от неожиданности и стал быстро стаскивать с себя чужую одежду.

– А вот и помощничек, – сказали капитаны, оглядели стеллажи и показали Гешке на самую верхнюю полку. – Вот оттуда начинайте по одному снимать рюкзаки.

В дверях выросла фигура Яныша. Он прислонился плечом к косяку, с любопытством наблюдая, как капитаны развязывают ремни рюкзаков и высыпают на пол их содержимое.

– А что, нельзя дуканские вещи иметь солдатам? – спросил он.

– Нельзя, – ответил один из капитанов и сказал своему коллеге: – Записывай: брелоки с «мадонкой» – пять штук, кусачки для ногтей – три, браслет магнитный – три...

Гешка кашлял под потолком, чихал от пыли.

– Со следующей полки тоже? – спросил он.

– Да, все до единого.

– ...ручки китайские – семь штук, часы – одна штука.

– Японские?

– Нет. Штамповка, Гонконг. Дальше – кассета с «Пупо» – одна... А вот и презервативы! – Капитаны минуту рассматривали картонную коробочку с фотографией девушки в узких трусиках.

– Такую гадость записывать не надо, – сказал один капитан.

– Как же не надо! – возразил другой. – Напиши так: американское изделие – одна упаковка.

Яныш хрюкнул от смеха. Капитаны недоброжелательно покосились на него.

– Товарищ капитан, – резко обратил смех в вопрос Яныш, – а офицерам разрешается иметь дуканские товары?

– Офицерам разрешается, – ответил капитан, поймал очередной рюкзак, покрутил его в руках, отыскивая бирку, и прочитал вслух: – Сержант Игушев. Что ж, посмотрим на моральный облик сержанта Игушева.

Он быстро развязал рюкзак и перевернул его.

– Ну вот, – офицер присел на корточки, поднял с пола полиэтиленовый пакет, – женские трусы «Неделька» – одна упаковка, жвачки – три пачки, гранатовое ожерелье, лезвия – раз, два, три, четыре, пять блоков! Недурно, да, товарищ солдат?

В рюкзаках молодых, к счастью, запрещенных товаров не оказалось.

Все конфискованные брелочки, кусачки, ручки, трусики и прочие иностранные изделия капитаны положили в большой пакет с рекламой джинсов, подсчитали общее количество предметов и предложили Гешке и Янышу поставить под списком свои подписи.

Гешка без всяких колебаний вывел свою закорючку, подтверждая, что «все эти предметы изъяты из рюкзаков личного состава разведроты капитанами Бутаковым и Евсеевым». А Яныш вдруг ни с того ни с сего стал упрямиться, задавать ненужные вопросы:

– А почему я должен расписываться?

– Ну вы же свидетель, – сдержанно объясняли капитаны.

– Тогда делайте копию и ставьте на ней свои подписи. А то как же я потом докажу ребятам, что не украл все эти вещи?

– Вы что, не верите офицерам политического отдела? – угрожающе загудели капитаны. – Фамилия?

– Яныш, – ответил Яныш и насупился.

– Доложите замполиту, что получили от нас замечание за отвратительное несение службы...

Кончилось все тем, что Яныш все-таки подписался, и капитаны с тугим кульком удалились.

В обед Гешка пошел к женскому модулю. Он дождался, когда длинноногая девушка со свертком в руке пройдет мимо него, вышел из тени модуля, быстро догнал ее и взял за руку.

– Я должен вам сказать, – начал он, совершенно не зная, что будет говорить дальше. – Э-э... командир полка очень вами недоволен.

Девушка вблизи выглядела не так эффектно, как издали, и тем более, как из окошка «уазика». Безусловно, она была хуже Тамарки, но выбирать не приходилось. Рот ее скривился в ненатуральной усмешке, она высвободила руку, отошла на шаг.

– Что тебе надо? – спросила она. Гешка на секунду опешил, но быстро взял себя в руки, обретя привычную уверенность в себе. «Прежде всего – вызвать в ней любопытство».

– Я всего-то хотел вам передать, что Евгений Петрович высказал вам свое «фе», – продолжал он нести ахинею. – Вы меня не бойтесь, я с разведроты. Зовут Геной. Холостяк, живу в Москве, а отец мой, между прочим, генерал.

– Ах, разведчик, – усмехнулась девушка, скрестила на груди руки, выставила вперед ножку. – Ну, что еще сказал Евгений Петрович?

«Бюст – второй размер. Возраст – лет двадцать пять. Наверняка уже была замужем».

– Евгений Петрович еще сказал, чтобы вы не ходили загорать в рабочее время.

Девушка настороженно смотрела Гешке в глаза. Потом опустила голову, стала катать ножкой камешек. «Что-то не то», – подумал Гешка.

– А тебя в самом деле Геной зовут? – спросила девушка.

– В самом. А как тебя?

– Знаешь что! – девушка стрельнула глазами. – Не финти мне здесь...

И снова замолчала. «Она не моих слов ждет, – подумал Гешка. – Она свои подбирает».

– Ну, пройдемся, что ли? – Она повернулась, взгляд – под ноги, будто модуль, стоящий неподалеку, слепил глаза. – Нет, давай лучше по той дороге...

Гешка шел за девушкой и продумывал варианты. Первое: дать липовый московский телефон. Второе: рассказать про Арбат, «Олимпийский», где недавно были гастроли «Юрая Хипп». Можно для затравки описать кухню «Праги». Что еще? Альпинизмом ее вряд ли заинтересуешь, а вот дачей папика...

– Чего молчишь? – спросила она.

– Сходим вечером к минному полю? – едва ли не в открытую пошел Гешка.

– Вот что! – девушка сильно дернула его за рукав. – Не трави душу, рассказывай! Что тебе Евгений Петрович поручил разведать?

– Ну-у... – протянул Гешка, лихорадочно придумывая ответ. – Дался тебе этот Евгений Петрович! Хочешь, я лучше дам тебе свой московский телефон? Когда я вернусь, позвонишь, сходим в кабак.

– Если ты сейчас не скажешь, что просил передать мне Евгений Петрович, – негромко, но твердо произнесла девушка, – то полетишь отсюда к чертовой матери.

– Ладно, – кивнул Гешка. – Расколола! В общем, Кочин интересовался, как ты живешь, какие проблемы...

Девушка искоса следила за Гешкиным лицом. Он заметил в ее глазах недоверие и настороженность.

– Интересуется, как живу?.. Что-то не очень верится. Закрылся, как в крепости... Ну, что еще совершь?

И тут Гешку осенило. Его догадка была настолько неприятной, что он даже обернулся – не следит ли кто? Конечно же, это она стучалась в комнату Кочина тем вечером. Она – подруга командира полка, или как это теперь называется?

«Надо сматываться, – подумал он. – Это будет лучше всего».

Девушка шла на полшага впереди со своим вечным свертком под рукой, вяло поднимая босоножками пыль. Гешка разглядел, что это была обычная простыня, подстилка.

– Ну? – уже без любопытства спросила она. – Это все?

– Лучше будет, если он сам тебе обо всем расскажет, – увильнул Гешка.

– Вот-вот, об этом-то я и думаю, – согласилась девушка.

– Ты не обижайся на него, что он тогда тебе не открыл. – Гешку понесло. Он уже оседлал фантазию и пришпорил ее бока.

– Да? – несколько наигранно переспросила девушка, подняв вверх бровки. – И почему же он не открыл?

– Они с начальником штаба разрабатывали очень секретную операцию.

– Не ври! – резко сказала девушка. – Я знаю, кто был у Кочина, – и она многозначительно качнула головой.

– Ну кто?

– Не твое дело! Можешь передать своему Кочину, что если он захочет мне что-то сказать, то пусть наберется смелости обойтись без посредника.

Она остановилась.

– Куда мы идем?

– Ты, наверное, загорать.

– Какое теперь загорать... Голова ничего не соображает! Давай где-нибудь сядем.

Они прошли к воротам автопарка, сели на бетонные ступеньки, разогретые на солнце-пеке, как печь.

Гешка думал над тем, как бы красиво распрощаться. Гарнизонный флирт не удался, не говоря уж о военно-полевом романе. «Лишь бы Кочин не узнал, что я к ней подкалывался», – переживал он.

Гешка почувствовал на себе чью-то тень. Он поднял глаза и увидел смуглого усатого лейтенанта.

– Вставать надо, солдат, – напомнил тот. Гешка встал. Лейтенант в выгоревшем до белизны хэбэ не сводил глаз с девушки.

– Надо поговорить, Таня, – сказал он ей. «Ого! – обалдел Гешка. – Тут уж не любовный треугольник, а целый параллелограмм».

– Говори, – ответила девушка и отвернулась, подчеркнуто глядя в сторону.

– Кто это? – кивнул лейтенант на Гешку.

– Мой друг, – ответила она с тихим вздохом. Гешка рассчитывал: если лейтенант начнет распускать руки, то он, пожалуй, рискнет ответить. Но лейтенант встал к Гешке спиной и снова сказал девушке:

– Я бы хотел получить разъяснения. – Девушка молчала.

– Ты можешь отойти? – спросил лейтенант у Гешки.

– Мне отойти, Таня? – Девушка пожала плечами.

– Как хочешь.

Гешка отошел на десять шагов. Он стал к ним боком, искоса наблюдая за лейтенантом. «Хахаль номер два», – оценил он его.

Сначала они разговаривали вполголоса, и Гешка ничего не мог расслышать. Затем Татьяна стала говорить громче: «Все!.. Хватит! Я люблю его, Саш, понимаешь?.. Я ничего

не знала, правду тебе говорю! Успокойся, прошу тебя... Ну прости, Саш!..» Лейтенант вдруг взял девушку рукой за подбородок и толкнул пальцами ее лицо, как закрывают форточку, чтобы не сквозило, повернулся и быстро-быстро пошел в автопарк.

Гешка подскочил к Татьяне. Она не могла поднять глаз.

– Идем, – только и выдавила из себя.

– Хочешь, я догоню его и дам по шее? – Девушка вдруг остановилась, подняла искаженное грубыми чертами лицо:

– Ты, салага! Ты кому собрался по шее давать? Сашка Афган вдоль и поперек исползал, он его своими руками прощупал, понял? А кто ты такой?.. Вали отсюда, теленок!

У Гешки даже дыхание сперло от злости. Он приоткрыл рот, ошалело глядя на девушку, изменившуюся вдруг так неузнаваемо. «Ах, я теленок», – Гешка шумно засопел и с ненавистью посмотрел в глаза девушке.

– Сама ты... – едко процедил он. – Дура! Я тебе лапшу на уши вешал, а ты верила. Не посылал Кочин меня к тебе, больно ты ему нужна. Это я у него в комнате был, когда ты в дверь ломилась. Он тебя видеть не хотел и мне давал знак, чтобы я сидел тихо. Ясно, чучундра?

Татьяна круто повернулась, обняла себя за плечи, поплелась куда-то по пылюке. Белые босоножки ее стали серые-серые. Дурацкая простыня свисала до коленей.

Злости как не бывало. Вместо нее душу заполнило что-то щемящее, похожее на жалость.

«Подлец, – сказал сам себе Гешка. – Подлец – мое имя, профессия, призвание, увлечение. Подлец!..»

Зайдя в казарму, Гешка проскочил в каптерку Гурули и плотно закрыл за собой дверь. Прапорщик разбирал гору бронежилетов, закидывал их на полки. Рота только вернулась с гор.

– Мне плохо, Витя, – сказал Гешка, опускаясь на табуретку.

– Мне тоже, – ответил Гурули. – Лужкова убили...

Замполит ходил перед строем, будто не мог стоять, будто был босиком на горячей гальке. Никто не разговаривал, солдаты только изредка покашливали. Рыбаков ждал тишины.

– Я написал письмо матери Николая Лужкова... Хочу вам зачитать.

Замполит развернул лист. Десятки глаз устремились на него.

– «Уважаемая Лидия Алексеевна! Человек рождается для долга, и в этом высший смысл его жизни.

В детстве он должен хорошо учиться, он должен быть честным, должен любить труд, своих родителей, свою Родину. Но наступает час, когда он должен выполнить свой долг перед Отечеством...»

«Все мы, оказывается, погрязли в долгах, – думал Гешка. – Если предположить невозможное, что я здесь умру, то моя матушка получит очень похожий текст. И рота так же будет стоять, и Рыбаков...»

Фотографию Лужкова приклеили к листу ватмана, обвели черной рамкой, повесили на доску документации. Гешка забыл лицо Лужкова, помнил только, что у того была тоненькая шея. На фотке Лужков таким и получился: лицо никакое, стандартное, какие вообще не запоминаются, а шея тоненькая.

Осознания смерти не было. Гешка не испытывал жалости к погибшему солдату. Не было ведь раньше в Гешкиной жизни этого Лужкова? Не было. И больше не будет. Они – как попутчики в поезде. Встретились, поговорили и расстались.

«Старики» перестелили койку Лужкова, положили на подушку фуражку, рядом повесили парадку. Гурули освободил тумбочку, вещи Лужкова спрятал в картонную коробку из-

под сухпайка. Вещей всего-то: бутылочка одеколona (на дне осталось), мятый конверт (это письмо неделю по полку бродило – никто фамилию разобрать не мог), чистые носки (может быть, начал уже откладывать вещи на дембель?), фарфоровый пес размером со спичечный коробок, записная книжка, вся чистая, только на первой страничке стихи:

Мы Родине служим
В далеком Афганистане.
По зову партии родной
Мы как один в шеренгу встали.
Нас красный флаг в бой поведет.
Мы для победы сил не пожалеем.
Отчизне верность мы докажем...

Последнюю строчку не дописал. Наверное, к слову «пожалеем» не нашел рифмы.

Через два дня Гурули повез гроб в Союз. Замполит перед строем вручил пулемет Лужкова Янышу. Яныш, оказывается, был страшно сентиментален. Он коснулся губами оружия и быстро встал в строй, чтобы никто не успел увидеть его слез.

«Папа, здравствуй!» – написал Гешка на листке бумаги. Потом долго грыз ручку, уставившись на эти одинокие слова, похожие на люминесцентный лозунг, прищипанной к стене дома.

Он скомкал лист, выдрал из тетради новый. «Здравствуй, мама!» – размашисто написал он.

Он спал, и снилось ему, как он бьет кулаками Тамарку по лицу.

* * *

Коричневые волны напoлзают на стеклянный берег... Нет, скорее похоже на театр – занавес закрывается...

Оконное стекло мелко дрожит от рыка кондиционера. Пыль прозрачной коричневой шторкой пляшет по нему, медленно сползает вниз. В самом деле как волны. Или как театр...

Кочин коснулся щекой окна, скосил глаза, читая царапины на подоконнике снаружи. «ДМБ-88. Москва». Наверняка пулей царапали, стервецы, подумал он. Милитаризованные дети – им легче патрон найти, нежели гвоздь... Дээмбэ! Счастливейший из дней, которого ждут в гарнизоне все, от полковника до солдата. Дээмбэ!

Кочин круто повернулся на каблуках лицом в зал. Докладывал начальник штаба Белкин Василий Иванович. Да-а! Внимания к нему – ноль, все смотрят на Кочина. Фигура командира полка, разумеется, более заметная – крутится чегой-то подполковник у окна, надписи всякие вычитывает, скрипит каблуками по линолеуму. Вот и срабатывает «парадокс партера». Это когда во время спектакля кто-то заходит в зал и зрители, как один, оборачиваются на шаги. Опоздавший зритель на секунду становится более интересным, чем целая сцена артистов.

Начальник штаба кашлянул, замолк и тоже посмотрел на Кочина. Вот и заглох хрупкий аппарат. Начальство ведет себя неординарно – подчиненные на всякий случай предпочитают остановить все, что можно остановить, ибо лучше ничего не делать, чем делать не то, что надо... Станные люди, ведь им через несколько дней под пули.

Кочин кивнул головой, мол, продолжайте, я удовлетворен вашим почтением к моей особе, и снова повернулся лицом к запыленному окну.

– Операции в этом районе не проводились ни разу, – продолжал начальник штаба. – О дислокации нескольких бандформирований в Нангархаре мы узнали после несчастного случая, когда сожгли нашу колонну. Обстановку усложняет наличие укрепрайонов, позиций

тяжелых орудий, мины на дорогах и тропах. Предупреждаю: возможен обстрел командного пункта...

Правильно! Это для того, чтобы не расслаблялись. А то в прошлый раз не успели оборудовать капэ, как весь штаб – подполковники, майоры – рванулись в палатку «забивать» себе койки на ночь. Устроили толкотню, ругань... А после ужина палатку разворотило точным попаданием мины. К счастью, в ней никого не было.

– Северо-запад района боевых действий насыщен средствами огневого воздействия, – это уже начальник артиллерии. Как всегда, он поначалу будет запугивать, рисовать обстановку только в черных красках, а под конец доклада даст фантастические гарантии, вроде того, что всю войну артиллеристы выиграют сами. – Предположительно на вооружении противника находятся безоткатные орудия, минометы, реактивные пусковые установки... – пауза. Повернулся к карте, ткнул куда-то указкой. – Точность огня нашей артиллерии будет гарантирована. Тридцатиминутной артиллерийской подготовкой будут поражены следующие цели и объекты...

Ну вот, облегчил душу. Гарантию дает, как порядочная мастерская. И все-таки грубо они работают, грубо. Скомандует начальник артиллерии «огонь», батарея плюнет – и нет кишлака. А ведь для кого-то такой «объект» – и место, где родился, и крыша над головой, и знакомая до каждого камешка улица. Древние дувалы и мазанки расплачиваются за ошибки и немудрость людей... А что интересного скажет нам начальник инженерной службы?

– Противник минирует район боевых действий. (Вот новость так новость. Остается теперь добавить, что враги могут применить даже огнестрельное оружие.) Все подходы к району заминированы. Снимать мины и фугасы запрещаю, только подрывать! (А как быть, если мина на мостике или у стены дома? Тоже подрывать?) Внимание на марше! Обочины дороги тоже заминированы. Вокруг командного пункта будут установлены наши минные поля. (Как булка с изюмом, эта афганская земля. Интересно, а кто будет потом все это вытаскивать?) Воду брать на базе, в районе ее запасы ограничены...

И этот тоже что-то ищет на карте. Хочет доказать, что в районе нет ручьев и арыков? Да верим, верим... Кончик указки скользит по синим значкам, преодолевает укрепрайоны, огневые позиции, минные поля. Не воспринимаются эти значки как реальный противник, подумал Кочин. Академия отучила. Там, наверное, не меньше полусотни раз пришлось работать с картами. Так и засело в мозгах: противник на карте – сказка, вымысел, тактическая игра. Войны никогда не будет! – безапелляционно заявляли на лекциях некоторые офицеры, перебивая преподавателя. И мы, и наши враги уже слишком мудры и интеллигентны, чтобы решать вопросы кулаками. Карибский кризис – агония милитаристских методов в политике... А всего через год после выпуска из академии началась афганская война. Четверо сокурсников Кочина уже прошли это горнило, одного не стало.

Да, кивнул своим мыслям Кочин, карте трудно верить. Карту рисуют люди. Мало ли что взбредет им в голову нарисовать? Синим карандашом на «миллионке» за десять минут можно такого супостата изобразить, что ничего другого не останется, как за ядерное оружие браться. Вот аэрофотосъемка – дело другое. На хороших отпечатках можно даже фигурки людей в чалмах различить. А на картах людей не бывает. Есть лишь объекты да цели. Все скупое да простое. И не надо задумываться, что за всем этим стоит. Так?

Кочин, заложив руки за спину, прошел вдоль огромного щита «Империализм – источник войн» к фотокарте, расстеленной на столе. Оперся локтями на горы, склонился над кишлаками и «зеленкой». Там точно видны люди. Вот на темном фоне скалы четко вырисовывается фигурка человека в чалме. Сбоку что-то торчит – рука или винтовка. Рядом черная рисочка – наверняка «безоткатка». Противничек! Снимок сделан два дня назад. Где сейчас этот тип? Спит? Ест? Молится Аллаху? И ведь даже не догадывается о том, что уже снят, что вместе с горами и кишлаками прикноплен к столу в тактическом классе и что по нему

скользит указка начальника инженерной службы советского мотострелкового полка. И вместе с горами, реками, кишлаками этот моджахед уже принадлежит нам...

А вот слово предоставляется заму по тылу. Наверное, каждая должность лепит офицеров по своему усмотрению. Начальник тыла – кругленький, крепенький и неторопливый дядька, который вызывает уважение и аппетит. Кажется, что он вытащит сейчас из кармана бутерброд с салом.

– Личный состав обязательно должен быть обеспечен горячей пищей. Питание по норме девять, плюс доппаек. Хлеб брать на трое суток, сухпай – на четверо...

– Не поднимут четыре сутодачи, – кидает кто-то реплику из зала. – Считайте: сухпай четыре сутодачи, вода, боеприпасы да взрывчатых веществ по три кило. Не много ли?

Кто это? Василий Иванович? Забодишься о плечах личного состава? Врешь, братец!.. Кочин тихонько подул на высохший трупик мушки. Тот поехал по столу, вертолетиком опустился на пол. Попить и пожрать в горах – первое дело. Горы и солнышко церемониться с людьми не будут, потому лишняя банка тушенки и фляга воды – не роскошь, а необходимость. Пусть лучше ребятки на километр меньше протопают, но сыты будут. Начальнику штаба нужны темпы: затянуть потуже солдат, выжать из них все, что можно. Он очень серьезно относится к войне, он считает, что люди служат ей.

– Мы балуем солдат, – продолжает Василий Иванович. – Посмотрите на «духов» – у каждого только по одной лепешке, но всю неделю как козлы по горам прыгают. И вообще, товарищи, на жаре есть меньше хочется, солдаты должны идти налегке.

– Рюкзак весом в тридцать килограмм – это нормально, – утверждает начальник тыла. – Я настаиваю на четырех сутодачах!

Молодец, мертвая хватка! Плевать ему на темпы. Он думает не о войне, он думает о великой прозе жизни – о воде и хлебе.

Начальник связи сыплет позывными, словно экскурсовод в зверинце:

– Позывной полка – «Лиса». Комендантский взвод – «Бобер». Разведрота – «Норка»...

Мы и зверей косвенно втянули в войну, невесело усмехнулся Кочин.

– Я предупреждаю всех, товарищи, – излишне громко говорит связист. – Не забивайте эфир посторонними разговорами вроде: «Спички есть?» – «Нету!» Диктую позывные соседних рот...

– А зачем нам их знать? – новая реплика из аудитории.

– Для вза-имо-действия, – чеканя слоги, поясняет связист и поглядывает на Кочина, правильно, мол, я ответил? Кочин не реагирует. Его лицо не выражает ничего. «Если бы у каждого солдата была радиостанция, – подумал он, – начальник связи непременно заставил бы записать и их позывные. Да вот только животного мира на этот список не хватило бы».

Он рассматривал стенд о коварном империализме. «Высадка американского десанта на северной окраине Сайгона». Он представил, как удивились бы янки, если бы в их казарму повесили стенд о высадке советского десанта на южную окраину Нангархара.

Связист сел. Наступила очередь командира. Кочин ходил вдоль карты. «Что ж это мне так хреново на душе?» – спросил он сам себя.

– В районе боевых действий до сорока банд, численностью шестьсот человек. Их выход возможен: на севере – через «зеленку», на юге – через Джабуль, на западе – через ущелье Кардаг...

Все пишут. Командир докладывает свое решение. Он предрекает судьбы рот и батальонов. Он объявляет приговор укрепрайонам и захваченным кишлакам. Он говорит о том, что будет, и все фиксируют его пророческие слова.

Начальник штаба смотрит далеким взглядом сквозь Кочина. Наверное, он видит сейчас горы, цепочки солдат, белые облака разрывов, «вертушки», висящие над скалами. Он

и гротмейстер, и одна из фигур одновременно. Видимо, ферзь – второй по значимости на иерархической лестнице, более подвижный, более динамичный, чем командир полка. И более мудрый?.. Начальник тыла пишет в толстой тетради, низко склонившись, как часовщик над хрупким механизмом. Начальник артиллерии сидит ровно, откинувшись на спинку стула. Похоже, дремлет. Бог войны дал гарантию смести с лица земли парочку кишлаков и, будьте уверены, сметет, совесть его спокойна... «Что ж мне так хреново? – морщится Кочин, потирая грудь. – Нервная система ни к черту».

– Первым с вертолетов прыгать саперам. В кяризы не спускаться, были случаи отравления газом. Обращивать и подрывать.

Начальник инженерной службы, к кому относятся последние слова, кивает головой так, что табурет под ним скрипит. Где-то за окном гогочут солдаты, кто-то кого-то посылает... Оптимисты, так вас да разэтак, мысленно ругает солдат Кочин. Легко ни за что не отвечать? Даже за собственную жизнь?..

Командир полка ударяет указкой по карте. От стука вздрагивает начальник артиллерии. Василий Иванович, похоже, вот-вот вскочит со стула и вытянется по стойке «смирно».

– Дома не грабить. Искать реактивные снаряды и оружие. Но самое главное – жизнь людей. Выверять каждый шаг... Сброса дополнительного питания и воды не ждите, брать с собой по четыре сутодахи. Выживать и не питаться.

Кочин смотрит на начальника штаба. Тот напрягся, ждет обращения к себе. Не я тут один все решаю, дорогой Василий Иванович, мысленно обращается к нему Кочин. К сожалению, далеко не я один. Даже вот этот человечек в чалме многое решает. И его товарищ, который скрючился в тени. На ком-то из наших солдат они могут поставить точку, а мы, большие, сильные, самые передовые в мире, не можем этому помешать. Вот в чем вся беда... Дээмбэ – восемьдесят восемь. Генка, может быть, выцарапал это магическое число?.. Молись, парень, молись за свою жизнь – кроме нее твоей мамаше уже ничего больше не надо... Когда прикидываешь, что нужно для счастья в будущем, – пальцев на руках не хватает. А обернешься назад – господи! Каким простым и дешевым было лейтенантское счастье. Крыша над головой, личных вещей на один чемодан, и много-много друзей. И сознавать, что еще вся жизнь впереди, что любишь и любим, и только сердце берешь в советчики, выстраивая судьбу. А сейчас мы кромсаем, перекраиваем, выворачиваем, как носки, – жизнь и судьбу азиатов, кого никогда не знали и знать не будем. А своих ребят все никак не можем уберечь...

Кочин сидел в пустом классе.

Если бы он, командир полка, мог бы сохранить Генке жизнь, заслонив его собой, то, наверное, так бы и сделал. Но условия были другие. Уберечь единственного сына московского генерала Ростовцева выпадало на долю какого-нибудь паренька из провинциальной глубинки, который вместо него должен был занять место в боевом строю разведывательной роты.

* * *

Это был не просто взгляд. Они вбивали ему в лоб гвозди, они сверлили ему череп.

– Кто здесь копался? – очень сдержанно спросил Игушев и бросил Гешке под ноги пустой рюкзак.

Гешка рассказал о двух капитанах из политотдела, про то, как чихал под потолком, а потом ставил свою роспись под списком.

– Какого черта... – выдавил из себя Игушев. У него было такое выражение лица, будто он собирался убить Гешку. – Зачем ты впустил их сюда, урод? Тебе для чего ключ оставили, лошадь ты бельгийская!..

Сержант медленно встал с табуретки.

- Не орите на меня, – сказал Гешка, прикидывая, с какой стороны ударит его Игушев.
- Сынок! – опешил от злости сержант.
- Оставь его, – наконец вмешался Гурули. – Он ни в чем не виноват.
- Ни в чем не виноват? – изумленно повторил Игушев, будто не веря своим ушам. –

Это ты говоришь, что он не виноват?

– Сходишь на войну, восполнишь, – угрюмо ответил Гурули, не поднимая головы. – Все, хватит! – Он несильно хлопнул ладонью по столу. – Ростовцев, выдь вон...

«Заступились за беззащитного ребенка», – с презрением думал о себе Гешка, выходя в прохладный от сквозняка коридор. Ему мучительно хотелось кого-то побить, жестоко, с треском и звоном сокрушаемой мебели и застекленных стендов, так, чтобы руки потом были по локоть в крови, только он не знал – кого.

Вечером Гешку по телефону вызвал командир полка.

«Сейчас я буду объясняться по поводу Татьяны», – подумал Гешка, от чего у него окончательно испортилось настроение.

– Ну что, Гена, – приветливо встретил его Кочин. – Собирай вещички и перебирайся в хозвзвод. Я звонил командиру, тебя ждут.

Видя, что Гешка молчит, что смысл слов еще не дошел до него, Кочин добавил:

– Через несколько дней разведрота в полном составе улетает на блокирование. Тебе некуда больше деться, Гена.

Гешка стоял перед Кочиным навтыжку. Он уже был солдатом, его уже кое-чему научили. Он уже видел перед собой не только друга отца Евгения Петровича, но и подполковника в должности командира полка, чьи приказы были законом. Но Кочин сейчас не приказывал, а просил, и Гешке казалось, что достаточно чуть-чуть не согласиться, чуть-чуть настоять, и Кочин будет не столь категоричен... И все же Гешка кивнул головой, с трудом подавляя вздох облегчения, и, как ему самому показалось, непроизвольно подумал: «Вот и хорошо! Катись к черту эти Игушевы и Рыбаковы». В самом деле, переход в хозвзвод сразу освобождал Гешку от тяжести какого-то нерешенного вопроса.

– Ясно, товарищ подполковник, – ответил Гешка и сразу же уловил гнетущую пустоту вслед за своими словами и, пытаясь хоть чем-нибудь заполнить ее, вздохнул, буркнул что-то вроде «жаль, конечно».

Кочин рассмеялся нервно, но быстро погасил этот смех. Было похоже, что он разочарован, даже оскорблен тем обстоятельством, что Гешка вот так запросто согласился, что не возражает, не просит, не протестует.

– Гена, ты бы на моем месте так же поступил?

– На вашем месте?

– Да, на моем.

– Нет, не так же.

– Правда? – Кочин с интересом посмотрел на Гешку. – А если не секрет, то как?

– Не так! – злее повторил Гешка. – Вы меня... – он хотел сказать, что Кочин его слишком явно опекает, но вырвалось другое: – Вы меня унижаете!

И тут же постыдился своих слов.

Кочин спокойно воспринял Гешкины эмоции. Он налил из заварника в пиалушку ржавой водички, отпил глоток и спросил таким тоном, будто предлагал чаю:

– Ты хочешь погибнуть, Гена?

– Я хочу, чтобы меня уважали, – сразу ответил Гешка.

Кочин кивнул, мол, вполне законное желание.

– А Лужкова ты очень уважал?

– При чем здесь Лужков? – пожал Гешка плечами.

– Ты мог бы разделить его судьбу... Нормально? Устраивает? – И, помолчав секунду, добавил, будто одним ударом всадил в доску гвоздь: – Для того, чтобы уважали, мало на войну ходить, Гена. Вот в чем вся трудность.

Над тем, что сейчас говорил Кочин, Гешке не хотелось задумываться, словно сработал в нем некий защитный механизм, оберегающий покой совести; он уже через секунду не смог бы повторить последних слов Кочина и, охотно принимая их за окончание темы, бодрым голосом исполнительного подчиненного уточнил:

– Прямо сейчас переходить в хоззвод?

Евгений Петрович стоял к нему боком, опустив голову, и Гешка не видел его глаз. Он тоже молчал, не зная, о чем спросить. Все было до примитивности ясно. Кочин медленно сел за стол, уставился в календари, забарабанил по плексигласу пальцами.

«Ну что еще, что?» – нетерпеливо подумал Гешка.

– За всю свою службу я имел всего лишь один-единственный выговор, – медленно, будто размышляя вслух, сказал Кочин. – Я его схлопотал за день до твоего рождения... Чтобы отвезти твою маму в Сачхере, мне пришлось таранить бронетранспортером ворота контрольного пункта.

– Были заперты? – Гешка впервые слышал это дополнение к истории своего рождения.

– Нет, – Кочин сосредоточенно смотрел на пиалу, будто сквозь нее видел свою офицерскую молодость. – Дежурный не выпускал. Он был прав тогда. Устав, инструкции... А мне было на все наплевать. – Кочин усмехнулся. – Вот такой есть эпизод в биографии командира полка.

И он мельком взглянул на Гешку, будто испугался того, что рассказал. Потом встал из-за стола и, протянув руку, чтобы попрощаться, мимоходом сказал:

– Кстати, Гена!.. В твоём личном деле по домашнему адресу записан только отец. А мама, что же, там не живет?

– Да, у мамы своя квартира, – кивнул Гешка.

– Вот как! – Кочина, похоже, это озадачило. Он минуту о чем-то раздумывал. – А ты не дашь мне ее адрес? Хотелось бы черкнуть ей пару слов о тебе.

Гешка досадливо развел руками.

– Евгений Петрович, – признался он, – на память не помню. В Москве ведь я ей письма не писал – проще было заехать или позвонить... Сейчас я принесу, в моей записной книжке этот адрес есть.

Гешка уже взялся за ручку двери, как Кочин остановил его.

– Ладно, – сказал, он, махнув рукой, – не стоит туда-сюда бегать.

Он выдвинул ящик стола, достал сложенный вчетверо лист бумаги.

– Когда будешь писать матери, вложи это в конверт от меня. Добро?

Он протянул бумагу Гешке. Гешка изо всех сил старался придать своему лицу выражение надежного человека – Кочин, казалось, прожигает его своим взглядом.

– Какой разговор, Евгений Петрович! Обязательно отправлю.

– Все, иди!

Гурули воспринял Гешкину новость удивительно спокойно.

– Жаль, – сказал он. – А я думал, что Кочин отпустит тебя с нами. Вот уже тебе горный комбез и спальник подобрал.

На Гешку внезапно навалилась волна безысходной благодарности к прапорщику. Он прижался лбом к его плечу и промямлил:

– Вить! Я все-таки не хочу уходить от вас...

– Ладно, – простил Гурули, как ему показалось, Гешкино лицемерие. – Раз устроил себе жизнь, так радуйся.

Гешка отпрянул от него.

– Ты что?! – заорал он. – Кто устроил себе жизнь? Разве не понимаешь, почему меня переводят?

– Чего ты орешь? – Гурули потянулся всем телом, играя мускулатурой. – Все нормально. Никто к тебе претензий не имеет. Поубавь звук.

Гешка грохнулся на табуретку.

– Я уже и сам не знаю, что со мной, – глухо ответил он. – Наверное, хочется, чтобы никто не лез в мою жизнь, чтобы не подметали передо мной дорожку.

– Много хочешь, – грубо пошутил Гурули. – Неси на себе, салага, бремя отцовских погон.

Он встал, без труда дотянулся до самой верхней полки и снял оттуда далеко не новый, но чистый и аккуратно сложенный горный комбез.

– На, примерь, – он кинул комбез Гешке в руки. Гешка развернул его, приложил к себе, поднял на старшину тяжелые от недоумения глаза:

– Зачем?..

* * *

Гешке поручили форсунки. Это такая штуковина, которая при помощи солярки и давления нагревает котлы в столовой. Разжигать их, разумеется, надо было трижды за день: в пять утра, в полдень и в пять вечера. Оставалось море свободного времени.

Хозвзвод жил в пропыленной до белизны палатке с обвислыми боками. Гешке выделили койку у самого входа или, как его называли, тамбура. С одеяла, едва Гешка его приподнял, посыпался песок. Полчаса вытряхивания мало что дало – одеяло продолжало источать из себя пыль, будто только из нее и состояло.

А в разведроте со следующего дня начались строевые смотры. Гешка садился на землю в тени модуля и смотрел, как Рыбаков со старшиной проверяют экипировку и стрижку. Яныш стоял в общем строю с пулеметом за плечами, в бронежилете и каске. Издали он выглядел очень воинственно, почти как Рэмбо.

Вечером Гешка познакомился с толстой официанткой, которая обслуживала офицерский зал. Она дала ему полкастриули соленых огурцов. «Новенький?» – спросила Гешку. «Новенький», – ответил он. «А с какой роты турнули?» Потом Гешка увидел Таню и того лейтенанта, который Афган вдоль и поперек исползал. Лейтенант сидел к девушке спиной и быстро ел, а девушка не ела, а только смотрела и смотрела на него. «За кем следишь, проказник?» – спросила толстая официантка и шутливо взяла Гешку за ухо, а потом потрепала по щеке. Ее руки пахли хлоркой, но Гешке все равно было приятно.

За первые двое суток Гешка ни разу не видел хозвзвод в полном составе. Солдаты приходили и уходили по одному, парами в любое время дня и ночи. Никто, кроме командира взвода и его заместителя, не спросил у Гешки фамилии и имени. Гешка тоже ни с кем незнакомился.

Помимо форсунок, Гешке один раз поручили подготовить баньку на двух человек. Он добросовестно вымыл полы, разложил на скамейках предбанника простыни, мыло и бутылки охлажденного боржоми и, раз справился с задачей раньше срока, быстро разделся, крутанул вентиль душа на полную мощь и с наслаждением встал под упругие горячие струи. Он успел лишь намылить голову, как услышал в предбаннике чей-то голос, и через мгновение – не приведи господь такое счастье! – появилась незнакомая молодая женщина. «Сережа?» – робко спросила она Гешку, а когда у того сползла с лица пышная пена, приглушенно сказала «ой» и исчезла. Гешка выскочил из баньки полусухой, застегиваясь на ходу. На ступеньках его поджидал сердитый майор с аккуратной лысиной и пестрым кульком под

мышкой. «Тебе это было приказано?» – сквозь зубы процедил он и, не дожидаясь ответа, заглянул за угол баньки, кивнул головой. Женщина, изо всех сил стараясь не занимать много места в пространстве и во времени, проскользнула в баньку. Следом за ней лысый майор, но на пороге он остановился, поманил Гешку к себе и зашептал: «Стой тут, и никого! Понял?»

«Старый кот!» – обозвал Гешка его в уме. Через час он снова мыл заметно остывшую баньку, брезгливо сворачивал в кучу влажные простыни, выметал на улицу склизкие обмылки, и ему почему-то уже не хотелось влезать под упругие горячие струи.

Разведчикам Гешка уже не завидовал, как не завидует, глядя в небо, водитель трамвая летчику-истребителю. К Гурули, однако, он забегал по несколько раз в день. Игушев при встрече с ним отводил глаза или смотрел сквозь него, будто Гешки не существовало. Яныш чувствовал свое превосходство над Гешкой и в открытую балдел от этого.

– Через три дня мы вылетаем на «вертушках» в горы, – небрежно, будто занимался этим с рождения, сказал он. – Будем десантироваться, а потом прочесывать «зеленку».

– Пупок не надорвешь пулеметом? – не преминул съязвить Гешка.

На бывшей своей койке Гешка увидел незнакомого парня. Тот, сидя на ней, ковырялся шомполом в стволе автомата. «Новенький», – с неприязнью подумал Гешка. Незнакомого парня он невзлюбил в одно мгновение, ведь то, что еще два дня назад принадлежало Гешке, теперь перешло в пользование этого чмурика с хлипкими плечиками, усеянными коричневыми веснушками.

Все, кто встречал Гешку в роте, с безразличием пожимали ему руку и задавали дежурный вопрос: «Ну, как дела?» Гешка, понимая, что никому здесь не нужен, не утруждал себя ответом. Ему уже самому казалось, что он давным-давно перешел в хозвзвод и здесь его почти забыли.

Вечером взмыленный от усердия посыльный разыскал Гешку у столовой:

– Ты Ростовцев? Бегом к дежурному по полку! Из Москвы звонят.

Слышимость была отличной, будто звонили из ближайшей роты.

– Евгений Петрович мне сказал, что у тебя все нормально, – говорил отец. – Ты в хозвзводе сейчас?.. Понимаю, что трудно. Но надо немного потерпеть, я постараюсь что-нибудь сделать. Ты питаешься нормально? Я с комиссией передал для тебя посылочку...

– Как Тамара, отец? – кричал Москве Гешка. – Она победила в конкурсе?

Отец, наверное, не понял вопроса и промолчал.

– Папа! – звенело в коридоре штаба неходовое слово. – Как у Тамары дела?

– Она не стала участвовать, – ответил отец скованно, как отвечают, когда собираются солгать. – Она ушла с финала... Как твоя рука, Гена, не болит?

Перед Гешкой за столом сидел дежурный по полку. Он вроде бы что-то читал, но скорее всего внимательно прислушивался к разговору. «Хоть бы на минуту вышел», – подумал Гешка.

Отцу трудно было говорить. Он ждал от Гешки помощи – эмоций, криков, града вопросов. Но Гешка не знал, о чем еще спросить. Тогда отец сказал:

– Я, честно говоря, не знаю, как там твоя Тамара. Она не заходит и не звонит. Думай больше о себе...

Гешка брел в столовую окольным путем, через автопарк. «Вот ведь как, – думал он. – Похоже, Тамарка отчалила». Ему стало тоскливо, и он попытался обозвать в уме Тамару каким-нибудь пакостным словом, но пакостные слова почему-то на Тамарку не шли.

Память – штука ужасно упрямая. То, что хочется забыть, помнится, словно назло, ясно и долго. Ночью Гешка не спал, нервничал из-за этого. Пока не пришло время вставать и идти на растопку форсунок, он все думал о Тамарке. Он вспоминал, как однажды увидел в каптерке разъяренного сержанта Игушева, и его страшный удар по дверце шкафа, и письмо, сжатое в кулаке. «А будь на моем месте Игушев, – раскладывал Гешка житейские варианты, –

ударил бы он Тamarку, предайся она блуду?.. Или же, будь на моем месте он, отчалила бы она в морскую даль?» Эта мысль была столь беспощадной, что Гешка тут же возжелал очутиться на пике Инэ и сорваться со старого крюка в бездну.

Утром пошел дождь. Гешка впервые видел дождь в Афганистане. Он думал, что здесь дождей не бывает.

Полчаса Гешка не мог растопить форсунку. Он вымазался в солярке, начальник столовой орал на него. Вернувшись в палатку, Гешка сел на койку, раскрыл тумбочку и долго смотрел на свои вещи, не двигаясь, не меняя позы. Пустая бутылочка из-под одеколона. Еще вчера была почти полная, но кому-то очень понадобилось. Зубная щетка, импортная – одна половина щетинки красная, другая – синяя. Мыльница, похожая на динозаврика, – в ней мыло сохнет быстро и не киснет. Привычные, родные вещи. Они стояли на голубой подставочке у гигантского зеркала в ванной московской квартиры. Теперь они здесь. И смотрятся в запыленной грубой тумбочке так же нелепо и чужеродно, как экзотические птицы в темных, загаженных клетках зоопарка. «Кто я такой? Самовлюбленный московский пижон, – говорил себе Гешка, как мазохист причиняя себе тем самым боль. – Ведь я ничто без папы. Я подленький человечек, которого никто не любит, кроме несчастных родичей...»

Наклонив голову, в палатку вдруг вошел Гурули, загораживая собой свет.

– Скучаешь?

Гешке было неприятно видеть в эту минуту прапорщика. Сильный, бесстрашный человек, каким казался Виктор, еще резче оттенял Гешкин комплекс неполноценности.

Гурули бросил на тумбочку конверт.

– Почитай. А потом зайди ко мне, дело есть. – Конверт был помят, со складкой посредине – Гурули всегда складывал конверты вдвое, чтобы те помещались в нагрудном кармане. «Командиру части», – прочитал Гешка незнакомый почерк.

Гурули вышел, и Гешка позволил себе выругаться. Зачем ему читать письма, адресованные Кочину? Он развернул листок в клетку из ученической тетради. Стал читать с середины:

«Я учился с моим братом в одном профтехучилище, и мы мечтали служить вместе в десантных войсках. Но наши мечты не сбылись. Я попал в места лишения свободы, откуда вам и пишу. (Подрался, два года.) Если бы вы знали, как я жалею о том, что не был с Николаем рядом. Ведь он обманул медкомиссию, чтобы попасть в Афган. У него была астма, он задыхался, если большая нагрузка. Умоляю вас, напишите всю правду, как погиб брат. Я взрослый человек и все пойму. Петр Лужков».

«Зачем мне это?» – подумал Гешка, еще раз пробежал глазами по письму, заглянул на всякий случай в конверт и совсем некстати вспомнил, что давно не писал матери и не выполнил просьбу Кочина.

Гурули и Игушев молча сидели за столом и уминали хлеб со сгущенкой.

– Прикрой дверь, – сказал Гешке Игушев и показал глазами на табурет. – Присаживайся.

Гешка сел между ними, снял кепи, расстегнул куртку. Молчание затянулось. Присутствие Игушева насторожило Гешку.

– Короче, дело такое, – заговорил сержант, переворачивая банку над куском хлеба. Вязкая струйка молока легла кольцами на белом мякише. – Сегодня ночью в пять ноль-ноль мы вылетаем на десантирование...

Гешка все понял. И понял, что скажет в ответ. Он уже не слушал сержанта, думая над этим ответом.

– Можем взять тебя с собой. В темноте никто не заметит. А как поднимемся в воздух, там никто уже не ссадит. Четыре дня походишь с нами. Как вернемся, прикинешься дурач-

ком, скажешь, что хотел повоевать и тайком пролез в «вертушку»... Не дрейфь, сильно не накажут.

Гурули улыбнулся, подмигнул Гешке, мол, цени мою находчивость и заботу о тебе.

– Нет, – выдавил из себя Гешка. – Я уже не хочу... Перегорело.

И тут же пожалел о сказанном. Гурули заморгал глазами:

– Ты чего, зема? Как это – перегорело?

– А вот так, – буркнул Гешка, испытывая одно-единственное желание – уйти отсюда и больше никогда не приходить.

Сержант резко встал из-за стола, сильно толкнул Гешку плечом и брезгливо поморщился:

– Ты ошибся, Витя. Это дерьмо, – и зашаркал тапочками к двери.

Гешка обхватил голову руками. Стыд душил его.

– Испугался? – тихо спросил Гурули, заметно ошарашенный ответом Гешки.

– Не знаю... Я думал, что все очень просто. – Гешка говорил правду, надеясь, что Гурули его поймет. Но как нелегко было найти эту правду в хаосе собственных чувств, где сплелись усталость, досада, ревность, одиночество, отчаяние: – Я никогда не сомневался в себе... но теперь мне кажется, что я не смогу, как вы.

Он глубоко вздохнул, как пассажир в самолете, который только что коснулся колесами бетонки. Гурули молча крошил крепкими пальцами хлебную корку и ничем не показывал своего отношения к Гешкиной неожиданной исповеди.

Все было поставлено на свои места.

Гурули в конце концов это понял, махнул рукой в сторону двери и негромко сказал:

– Ладно, топай к себе, мне надо проверить ребят.

Выйдя на воздух, Гешка испытал такое облегчение, словно сменил новые тесные ботинки на растоптанные старые.

Гешка провозился со своими форсунками до полуночи. У него сильно устала спина в пояснице, от соляры слезились глаза, но спать не хотелось – днем целых четыре часа провалялся, как под наркозом. Он вымыл в ведре руки и сел у малиновой «буржуйки» в углу палатки. И стал думать над тем, откуда у Гурули письма, адресованные Кочину, как прапорщик объяснил бы начальству, что экипировал Гешку, если тот согласился бы лететь, и не родилась ли эта авантюрная идея в кабинете командира полка.

В хоззвезде появился новичок – маленький, хамоватый, с уголовной рожей. Целый час, пока Гешка мыл в керосине детали форсунки, он допытывался, за что его убрали из разведроты.

– В горах сдох, да? Или под обстрелом облажался? Че молчишь?

Гешка толкнул его в плечо. Тот не обиделся, тоненько заржал и сказал:

– Да че ты пенишься? Я же такой, как и ты, пентюх!

Гешку тошнило от новенького. Сейчас он скрипел на койке за его спиной и негромко рассказывал кому-то:

– Крайнего из меня сделали! Когда в кишлаке кипиш начался, батарейный хотел меня с корректурой туда заслать. Спасибо, говорю, за такое доверие, но я еще мало на свете пожил. Тут в мазу вместо меня один сержантик напросился, а я стал под больного косить. Кровавым поносом, говорю, страдаю. Отправили меня в санчасть, а оттуда сюда перевели... Я человек скромный, героем быть не хочу. Мне и без ордена житуха в кайф...

Гешка слушал эту речь и думал страшную мысль, что если бы этого новенького убили, то он бы радовался.

Было горячо лицу; рассыпчатые, как сахар, желтые угли впитывали в себя холод, темнели, выдувая тепло. Гешке казалось, что он уже начинает плавиться и светиться, что он незаметно перетекает в печь, залитую слепящим жаром затвердевшего огня.

Не раздевшись, он лег на койку, накрылся одеялом с головой. Ничего не видя, лишь ощущая лицом тепло от своего дыхания, Гешка представлял себе голубые, как из бутылочного стекла, горы, альпинистов в ярких оранжевых пуховках, темных очках, их белые, как снег, улыбки в черных бородах. Гешка видел сосредоточенного Сидельникова, раскачивающегося на веревочной лестнице над бездной, слышал его сильные удары молотка по крюку. «Давай!» – кричал Сидельников, пристегнув к крюку карабин, и Гешка, потихоньку стравливая веревку, следил с восторгом, как тот, обнимая отвесную скалу, поднимается в небо...

Гешка отбросил одеяло, глотнул сырого холодного воздуха. Он дышал часто, жадно, как на большой высоте в горах. Несколько равнодушных лиц на секунду повернулись в его сторону. Красные блики скользили по ним, отчего казалось, что лица сжимает, растягивает, уродует жуткая мимика. «Если бы я умирал от удушья, – подумал Гешка, – они смотрели бы на меня такими же глупыми харями... В этой палатке живут те, кто не хотел никого спасать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.